

U 100
781

У 100
781

95

ВОСПОМИНАНІЕ

О

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМЪ

ГВАРДЕЙСКИМИ И ГРЕНАДЕРСКИМЪ КОРПУСАМИ,

Г Р А Ф Ъ

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

РИДИГЕРЪ.

«Больше сея любви никто-же
имать, да кто душу свою по-
ложить за други своя.»

СОЧИНЕНІЕ

Полковника Лебедева.

ЧЛЕНА РЕДАКТОРА КОММИСИИ ВЫСОЧАЙШЕ
УЧРЕЖДЕННОЙ ДЛЯ УЛУЧШЕНІЙ ПО ЧАСТИ ВОЕННОЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Вѣдом. Моск. Городск. Полици.

1856.

Съ ВИСОЧАЙШАГО Созволенія.

20930-44

2014104537

I.

5-го Июля, 1856-го года, происходило въ Митавѣ погребеніе знаменитаго мужа, который, въ продолженіе пятидесяти-шести лѣтъ, былъ примѣромъ воинской доблести для Русской Арміи и однимъ изъ ея лучшихъ украшеній... По желанію графа Федора Васильевича, земля родимаго города приняла почившаго въ свое лоно, а по волѣ Монарха, высоко чтящаго подвиги вѣрнѣйшаго Своего сподвижника, депутація отъ Клястицкихъ гусаръ (*) (полкъ, носившій его имя и съ ко-

(*) Клястицкій Гусарскій Полкъ сформированъ въ 1806 г. Июля 13-го изъ эскадроновъ, отчисленныхъ отъ гусарскихъ полковъ: по одному—Сумскаго, Александрійскаго, Ольвіопольскаго и двухъ Изюмскаго, подъ именемъ Гродненскаго Гусарскаго Полка, а настоящее названіе получилъ 1824 г. Февраля 17-го, въ воспоминаніе заслугъ, оказанныхъ во время Отечественной Войны 1812 года и въ особенности въ бою при Клястицахъ. Отличія полка состоятъ изъ георгіевскаго штандарта 4-му дивизиону, серебряныхъ трубъ и знаковъ на кивера съ надписью: «за отличіе». Двѣ послѣднія награды полкъ получилъ въ бытность шефомъ его графа Ридигера.

торымъ покойный графъ началъ свое боевое поприще) прибыла въ отдаленную Митаву, дабы отдать послѣднюю почесть своему знаменитому шефу.

Остановимся же мыслию надъ незакрывшею еще могилою графа Ридигера, припомнимъ жизнь его, дѣятельность на боевомъ и служебномъ поприщахъ, отеческую заботливость о солдатѣ, ревность къ славѣ Государя и Отечества—и вѣрно тогда каждый изъ служащихъ въ нашей великой арміи, повторить изъ глубины сердца надъ прахомъ истинно-русскаго генерала простую солдатскую молитву: «Упокой, Господи, душу раба Твоего, боярина Феодора и сотвори ему вѣчную память».

Жизнь графа Ридигера, какъ знаменитаго дѣятеля въ великую эпоху первой половины нынѣшняго столѣтія, займетъ видное мѣсто въ Русской Исторіи, и хотя слова: «*современниковъ несудятъ*» признаются великою историческою истиною, но передъ именемъ графа Ридигера, *отца солдатъ*, должно умолкнуть каждое пристрастное сужденіе. Въ послѣдніе годы жизни, годы наибольшей своей служебной дѣятельности, графъ Ридигеръ жилъ не тѣломъ—ово было измождено болѣзнями—но

сердцемъ, любившимъ родину, и духомъ, поддерживавшимъ слабѣющее тѣло, твердою вѣрою въ великую будущность Россіи и русскаго войска.—Лѣта, раны, душевныя скорби, положили тяжелую печать свою на маститомъ вождѣ; но при словахъ: «Государь, Русская Армія, слава отечества» — оживалъ полуумиравшій старецъ, находилъ въ себѣ силы на трудъ, несъ въ дань отечеству свой долгій опытъ и обширныя знанія военнаго дѣла, и, какъ бы стоя уже въ могилѣ и слыша надъ собою голосъ вѣчности, говорилъ одну истину, желалъ прямаго добра, сочувствовалъ дѣйствительной пользѣ и славѣ, отрѣшавшаяся отъ земныхъ увлеченій и личныхъ привязанностей.

Въ этой непрестанной дѣятельности истощились послѣднія физическія силы графа Ридигера: онъ чувствовалъ близость кончины, но желалъ еще жизни, ибо видѣлъ въ ней возможность исполнить благіе, обширныя и великіе виды и предназначенія возлюбленнаго Монарха. — Путешествіе за границу подавало къ тому нѣкоторыя надежды. Графъ рѣшился испытать это средство и, передъ разставаньемъ съ отечествомъ, спѣшилъ дать движеніе задуманнымъ предположеніямъ—привести, по

возможности, къ концу всѣ дѣла, и настоятельно просилъ увѣдомлять его объ ихъ дальнѣйшемъ ходѣ.

Всѣ эти предназначенія уже начали приводиться въ исполненіе: разставшись съ любимымъ начальникомъ, мы, съ замираніемъ сердца, ждали вѣсти о состояніи его здоровья — и получили извѣстіе о его кончинѣ, какъ будто Провидѣнію угодно было оправдать тѣмъ великія слова: «не вчера-ли, друзья мои, бесѣдовалъ я съ вами, но придите и цѣлуйте меня, послѣднимъ цѣлованіемъ».

Боевое поприще графа Ридигера есть одна изъ лучшихъ страницъ русской военной исторіи. Ридигеръ родился въ Митавѣ, въ 1783 году, и происходилъ изъ дворянъ Курляндской Губерніи. Получивъ хорошее домашнее образованіе, онъ вступилъ подпрапорщикомъ въ Л.-Гв. Семеновскій Полкъ и черезъ годъ произведенъ въ прапорщики 1800 г. Октября 20 (*).

(*) Первоначальная служба графа Ридигера, въ Л.-Г. Семеновскомъ Полку, подаде случай къ двумъ истинно-трогательнымъ событіямъ: 21-го Ноября 1855 года, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, вспомянувъ, на полковомъ праздникѣ Семеновцевъ, что Федоръ Васильевичъ началъ службу въ рядахъ ихъ, соизволилъ

Но не служба пѣхотная была призваніемъ молодаго офицера: спустя два года, онъ назначить его шефомъ 3-й гренадерской роты сего полка. О назначеніи этомъ Главнокомандующій сообщилъ войскамъ гвардіи въ слѣдующемъ приказѣ:

«Государь Императоръ, сего числа, въ день праздника **А.-Г. Семеновскаго Полка**, вспомнивъ, что я началъ службу въ этомъ полку, осчастливилъ меня назначеніемъ шефомъ 3-й гренадерской роты сего полка. Надѣвая вновь, послѣ 33 лѣтъ, семеновскій мундиръ, я счастливъ стать въ ряды этого знаменитаго полка, колыбели русской гвардіи, и русской военной славы, который съ тѣхъ поръ, въ теченіе болѣе полутора вѣка, не переставалъ участвовать во всѣхъ славныхъ и тяжкихъ отечественныхъ событіяхъ и не перестаетъ быть гордостью и радостью ряда Великихъ Монарховъ.

«Тропнутый до глубины души, я не могу достойнѣе возблагодарить Всемилостивѣйшаго Государя, за сей новый знакъ Монаршей ко мнѣ милости и вниманія, какъ указавъ молодымъ моимъ сослуживцамъ, какъ великодушно Государь награждаетъ стараго солдата, чтобы они, избравъ, по благородному чувству, военную службу, на этомъ высокомъ поприщѣ постоянного самоотверженія, служили душою и тѣломъ, съ полнымъ самозабвеніемъ; всѣ ихъ заслуги будутъ замѣчены и выше достоинства вознаграждены отеческою попечительностію Государя, Котораго благое сердце радуется о всякомъ достойномъ слугѣ отечеству.»

Наканунѣ отъѣзда за границу, графъ Федоръ Васильевичъ собралъ офицеровъ **А.-Г. Семеновскаго Полка** и простился, въ лицѣ ихъ, со всею гвардіею, примолвивъ: «съ вами я началъ службу Государю; съ вами и оканчиваю ее». — Слова эти были какъ бы предчувствіемъ близкой смерти.

решель поручикомъ въ Сумской Гусарскій Полкъ, и назначень адъютантомъ къ шефу полка—графу Петру Петровичу Палену, а передъ началомъ войны съ Французами, въ 1806 году, Ридигеръ, по производствѣ въ штабсъ-ротмистры, перешель въ Гродненскій Гусарскій Полкъ, бывшій подъ командою Кульнева, съ которымъ Ридигеръ подружился еще въ Сумскомъ Гусарскомъ Полку.

Такова была первая школа будущаго главнокомандующаго. Служба нижнимъ чиномъ и потомъ офицеромъ въ рядахъ гвардіи сблизила его съ солдатомъ и всѣми подробностями строеваго дѣла, а примѣръ такихъ начальниковъ, каковы были графъ Палень и Кульневъ, показалъ ему, въ чемъ состоитъ истинное достоинство военнаго человѣка. Если же прибавить, что Ридигеръ отличался необыкновенною пылкостью характера, замѣчательною силою воли, веселостью, остроуміемъ и удалствомъ еще живаго въ его памяти студенческаго быта, то каждый пойметъ, почему самые первые шаги молодаго офицера обратили на него вниманіе его лихихъ товарищей. (1.)

Здѣсь да позволено будетъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ начальникахъ Ридигера, и войскъ—гусарахъ того времени, въ рядахъ которыхъ стяжалъ онъ свою первую извѣстность.—Всѣ они имѣли рѣшительное вліяніе на военное образованіе графа Ридигера, и сохранившійся у него, до преклонной старости, взглядъ на сущность военного дѣла.

Графъ Паленъ, къ счастью, еще до сихъ поръ украшающій ряды Русской Арміи, обладаетъ въ высокой степени тѣми качествами, которыя должны быть непременно принадлежностію самостоятельнаго начальника отдѣльныхъ частей.—Приведемъ здѣсь отзывъ о графѣ Паленѣ Баркляя-де-Толли, въ 1812-мъ году послѣ арьергарднаго боя при Лучесѣ: «Графъ Паленъ», писалъ Баркляй Императору Александру I, «особенно отличается отъ генераловъ всей арміи своими воинскими дарованіями, распоряженіями и хладнокровіемъ. Чрезвычайно полезно было бы для службы назначить ему обширнѣйшій кругъ для дѣйствій: я осмѣливаюсь представить его въ генераль-лейтенанты. Его достоинство служить порукою въ справедливости такой награды.»

Кульнева мы знаемъ весьма хорошо; служившій подъ его начальствомъ, извѣстный партизанъ Давыдовъ, очерчиваетъ намъ характеръ друга, начальника и товарища графа Θεодора Васильевича слѣдующимъ образомъ: «Кульневъ получилъ образованіе, въ Кадетскомъ Корпусѣ, при знаменитомъ директорѣ Бецкомъ, въ самую блистательную эпоху этого военнаго училища. Кульневъ зналъ удовлетворительно артиллерійскую науку и основательно фортификацію—теоретически и практически. Онъ порядочно изъяснялся на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, хотя писалъ на обѣихъ часто ошибочно; но познанія его въ исторіи, особенно въ русской и римской, были истинно замѣчательны. Военный человекъ и еще гусаръ, онъ не хуже всякаго профессора зналъ хронологическій порядокъ событій и соотношенія между собою единовременныхъ происшествій, выводилъ изъ нихъ собственныя заключенія, полныя здраваго смысла и проницательности, и любилъ предлагать подвиги нѣкоторыхъ русскихъ и римскихъ героевъ, въ примѣръ молодымъ офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ.

«Слогъ приказовъ, отдаваемыхъ имъ войскамъ своимъ, рапорты начальству, усилен-

ные и быстрые переходы отрядовъ, ему вътрешныхъ, и притомъ нѣкоторыя странности въ образѣ жизни его, частныя и явныя, принимаемы были за подражаніе Суворову. Это напрасно. Служа при этомъ великомъ человѣкѣ во время Польской Войны 1794 года, Кульневъ платилъ ему, подобно всѣмъ русскимъ воинамъ, дань удивленія; онъ, можно сказать, боготворилъ его, и всегда говаривалъ о немъ со слезами восторга, но никогда не старался подражать ему ни въ какихъ странностяхъ. Онъ одаренъ былъ слишкомъ смѣтливымъ умомъ, чтобы рѣшиться на подражаніе причудамъ, которыя искупаются одними только гениальными качествами и безсмертными подвигами. Кульнева причуды происходили отъ его веселаго нрава, никогда, ни отъ чего не упывавшаго, и отъ неподдѣльной, самобытной оригинальности его характера... Попечительность Кульнева о пищахъ и благосостояніи солдатъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, простиралась за предѣлы обыкновенной попечительности. «Солдатъ долженъ быть чистъ честью—говаривалъ онъ, — а чтобы имѣть право воздерживать его отъ похищенія чужаго добра, надо, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался».

Всякій изъ видѣвшихъ нашего достойнаго Главнокомандующаго и служившихъ подъ его начальствомъ, согласится, какъ много сходственнаго представляетъ этотъ очеркъ съ характеромъ покойнаго графа. Тотъ же, и даже еще болѣе, просвѣщенный взглядъ на военное дѣло, та же любовь къ наукѣ, знаніе исторіи, постоянное умѣнье видѣть ее поучительнѣйшія стороны, та же неистощимая даже страданіями веселость, та же горячая любовь къ солдату и благоговѣйное удивленіе къ памяти Суворова—были отличительными чертами графа Феодора Васильевича.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, графъ избралъ пишущаго эти строки, для публичныхъ чтеній о Суворовѣ, самъ опредѣлилъ предметы чтеній, указалъ на характеристическія черты каждой лекціи и, не будучи въ состояніи, по болѣзни, лично присутствовать—прослушалъ извлеченіе изъ нихъ и главнѣйшія мѣста, посвящая подобнымъ занятіямъ цѣлые часы своего драгоценнаго времени.—Быстрыя и рѣшительныя дѣйствія нашего великаго вождя — безсмертные штурмы Измаила и Праги, также основанная на духѣ русскаго солдата тактика Суворова — были постоянно предметами удивленія покой-

наго графа, который весьма часто повторялъ: «У меня всегда было и будетъ убѣжденіе, что Суворовская тактика всегда должна быть Русскою тактикою (*)».

Теперь нѣсколько словъ о гусарахъ того времени.

Знакомство съ черными гусарами Зейдлица въ Семилѣтнюю войну показало все превос-

(*) Какъ память благодарности просвѣщенному воину, привожу здѣсь приказъ его по Гвардейскимъ и Гренадерскому Корпусамъ по случаю моихъ чтеній о Суворовѣ.

«Генеральнаго Штаба Полковникъ *Лебедевъ* окончили сего-дня чтенія о Суворовѣ, въ Штабѣ Гвардейскихъ и Гренадерскаго Корпусовъ, и я спѣшу выразить ему искреннюю признательность за то, что по вызову моему, не смотря на столь многочисленныя и разнообразныя занятія, онъ съ такою готовностью принялъ на себя сей новый трудъ.

«Нездоровье лишило меня, къ сожалѣнію, возможности присутствовать при этихъ чтеніяхъ, но, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, я прослушалъ извлеченіе изъ нихъ и главнѣйшія мѣста. Отдаю полную справедливость извѣстному краснорѣчію и увлекательности разсказа Полковника *Лебедева* и въ полной мѣрѣ цѣню благую цѣль его въ выборѣ предметомъ чтеній нашего Суворова, какъ образчика и свидѣтельство даровитости русскаго человѣка, и въ направленіи разсказа не на исчисленіе общезвѣстныхъ подробностей, а на убѣдительно-поразительно-ясное доказательство ряда благодѣтельныхъ истинъ: что каждый долженъ образовать въ самомъ себѣ существенныя достоинства, чтобы исполнять свято свои обязанности, какой бы ни былъ кругъ ихъ; что эти

ходныя качества этой бойкой и лихой кавалеріи. Зейдлицъ требовалъ отъ нея безстрашія и удалства, заставляя даже на ученьяхъ знакомиться съ опасностію: гусары его должны были проскакивать, во время сильнаго вѣтра, между вертящимися крыльями вѣтряной мельницы. Конечно, не обходилось и безъ несчастныхъ случаевъ; но когда Фридрихъ Великій сдѣлалъ, разъ, за это замѣчаніе своему главному инспектору кавалеріи, то послѣдній, со всею откровенностію кавалериста, сказалъ ему: «Если Ваше Величество поднимаете шумъ изъ-за нѣсколькихъ сломанныхъ шей, то вамъ никогда не имѣтъ хорошей кавалеріи.»

При Екатеринѣ Великой, по предложенію комисіи для разсмотрѣнія дѣлъ воинскихъ, завели у насъ въ большомъ размѣрѣ, вмѣстѣ съ егерями, и гусарскіе полки. Русское молодечество какъ нельзя болѣе согласовалось съ

достоинства, а не какія-нибудь удачи, выводятъ челоѣка; что Суворовъ, гениальный полководецъ, былъ вмѣстѣ ученѣйшій челоѣкъ своего вѣка; что духъ владѣетъ матеріею, и проч.

«Кто изъ слушателей вникъ въ смыслъ разсказа, въ томъ могли зародится мысли, приносящія плодъ—это говорю, какъ лучшую награду Полковнику *Лебедеву*, за его трудъ на общую пользу.»

требованіями тогдашней службы, и скоро явились гусары, по справедливости стяжавшіе названіе «безсмертныхъ». Еще живутъ въ преданіяхъ: удалство, безстрашіе, и какая-то хвастливая жажда опасностей, отличавшія нашихъ гусаръ; а имена достойнѣйшихъ шефовъ ихъ: князя Васильчикова, графовъ Ламберта, Палена и Ридигера а также Кульнева, Дорохова, Мелиссино и др. перешли въ исторію. Еще и теперь, какъ будто видишь бивачные костры и около нихъ суровыя и закаленные въ бояхъ лица гусаръ.

На затылкахъ бивера,
Доломаны до колѣна.
Сабли, ташки у бедра
И диваномъ кипа сѣна.

* * *

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ,
И усы перебѣгаетъ....

Начать службу съ такими товарищами и съ перваго же раза быть храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ—такова была доля, выпавшая графу Федору Васильевичу Ридигеру.

Въ 1807 году, Гродненскій Полкъ поступилъ въ авангардъ нашей арміи, дѣйствовавшей противу Французовъ. Послѣ жаркихъ

стычекъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ — Ротмистру Ридигеру удалось помѣряться съ врагомъ въ одиночномъ бою: 25-го Мая, во время боя при Ликендорфѣ, Ридигеръ сначала прикрывалъ батарею полковника Ермолова, а потомъ, прогнавъ непріятеля за рѣку Пассаржу, отбилъ французскій паркъ, за что награжденъ золотою саблею съ надписью: «за храбрость». 27-го и 28-го Мая мы снова видимъ Ридигера въ арьергардномъ бою, подъ начальствомъ князя Багратиона, на пространствѣ отъ с. Дешпенъ до Рейхенберга; 29-го онъ участвуетъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ, а 2-го Юня въ битвѣ подъ Фридландомъ, и, за оказанную въ двухъ послѣднихъ бояхъ особенную храбрость награжденъ орденомъ Св. Анны 4-й ст. и чиномъ маіора.

Война съ Швеціею открывала предприимчивости Ридигера обширное поле для дѣйствій; знакомство съ Паленомъ, Кульцевымъ, Багратиономъ укрѣпило его въ прямыхъ началахъ военного дѣла, а личная неустрашимость и постоянная готовность на каждое, самое отважное, порученіе, доставили репутацію храбраго, дѣятельнаго и распорядительнаго кавалерійскаго офицера. Этимъ объ-

ясняется множество отдѣльныхъ, самостоятельныхъ порученій, возлагавшихся на Ридигера въ кампаніи 1808 года въ Финляндіи: такъ, Февраля 9-го, онъ командуетъ передовымъ отрядомъ въ колоннѣ князя Багратиона и, по разбитіи непріятеля у кирки Элима, преслѣдуетъ его черезъ с. Мутно и принимаетъ участіе въ занятіи городовъ Тавастгуса и Таммерфорса, а потомъ гонитъ Шведовъ до Борго.

Марта 5-го, Ридигеръ дерется при киркѣ Накиля, идетъ по пятамъ непріятеля до Біернеборга, и, не смотря на полученную контузію, принимаетъ начальство надъ передовымъ отрядомъ колонны Раевского, а послѣ разбитія Шведовъ у Лапферта, преслѣдуетъ ихъ до города Вазы, за что удостоился получить орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 4-й степени съ бантомъ.

Финляндія, отдохнувшая послѣ перваго страха отъ вторженія нашихъ войскъ, взволновалась; смѣлые шведскіе партизаны появились на нашихъ сообщеніяхъ, а регулярныя непріятельскія войска угрожали высадкою съ моря. Въ числѣ прочихъ, и на Ридигера, съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ, возложено было охраненіе пространства отъ Вазы

до Гамле-Карлебу. Любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ приказъ, данный ему Кульневъ:

...«Если бы у васъ осталось только два человека, то честь ваша состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть непріятеля всегда на глазахъ и обо всемъ меня увѣдомлять. Впрочемъ, старайтесь отстаивать пунктъ, который вы защищаете, до самаго нельзя; ретирадъ всегда есть время, къ побѣдѣ рѣдко.»

Нѣтъ надобности и говорить, съ какимъ умѣньемъ и находчивостью исполнилъ Ридигеръ это важное и опасное порученіе. — Поражая повсюду непріятельскія партіи, онъ успѣвалъ всегда во время присоединятся къ главнымъ своимъ силамъ, и при встрѣчахъ, затѣмъ происходившихъ, распорядительность Ридигера постоянно выдвигала его впередъ, не смотря на небольшой еще числ. Такъ, Юля 10-го, командуя авангардомъ корпуса Раевского, Ридигеръ болѣе 10 часовъ удерживалъ весь корпусъ генерала Клингспорра; а 7-го Августа, близъ двора Момемы онъ отразилъ партизанскій отрядъ, намѣревавшійся напасть на главную квартиру графа Каменскаго.

8-го и 9-го Августа Ридигеръ участвуетъ въ сраженіи у бирки Кольмары, а по разби-

тѣи здѣсь непріятельскаго отряда и прогнаніи его за Линдулакъ, отважный гусарь, командуя передовыми легкими войсками полковника Властова, устремляется въ тылъ непріятеля къ киркѣ Картаны. Во время преслѣдованія, Ридигеръ былъ легко раненъ пулею въ лѣвую ногу.

3-го Сентября, въ дѣлѣ близъ Гамле-Карлебу, Ридигеръ, стремительною атакою, опрокинулъ значительныя непріятельскія силы, и не смотря на жестокий огонь, отважно устремившись въ тылъ шведскаго корпуса, сражавшагося въ то время съ графомъ Каменскимъ при Оровайсѣ, успѣлъ разорить всѣ мосты въ тылу противника. За это блистательное дѣло Ридигеръ былъ представленъ къ ордену Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

Между тѣмъ пріостановившіяся временно дѣйствія главныхъ силъ продолжались въ малыхъ отрядахъ. Послѣ ошибки у киркѣ Кельвіо и Алаканусъ, Ридигеръ во время преслѣдованія непріятеля отъ Калакіюли къ Ювала (уже въ чинѣ подполковника) командовалъ всею кавалеріею корпуса графа Каменскаго, а Ноября 5-го, будучи посланъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, изъ Пихайюки на Вы-

ганда для открытіи ближайшаго сообщенія съ корпусомъ Тучкова 1-го, быстрымъ налетомъ захватилъ врасплохъ весь непріательскій отрядъ, занимавшій Выганду, а потомъ дѣйствовалъ въ лѣвый флангъ главныхъ силъ шведскихъ по дорогѣ къ Брагештадту и участвовалъ въ занятіи Улеоборга.

Графъ Буксгевденъ, бывшій тогда нашимъ главнокомандующимъ, заключивъ неутвержденное Императоромъ Александромъ I перемиріе, снова долженъ былъ, противъ своего желанія, вести войну; тогда какъ опасеніе за тылъ и фланги растянутой его операціонной линіи, при необыкновенной предприимчивости шведскихъ партизановъ, не давало ему покоя. Занятіе Улеоборга не входило въ планы графа Буксгевдена, но, не рѣшаясь обратиться свой гнѣвъ на Оровайскаго героя, графа Каменскаго, главнокомандующій избралъ Ридигера, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ котораго Улеоборгъ остался за нами. Ридигеръ, обвиненный въ нарушеніи данной ему инструкціи, удаленъ отъ командованія и отданъ подъ слѣдствіе.

Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве въ жизни графа Федора Васильевича, дабы объяснить причины его недѣятельности въ 1809

году и рассказать прекрасную черту изъ жизни графа Каменскаго, доказывающую всю высоту уваженія, которое послѣдній питалъ къ удалому партизану.

Принявъ командованіе надъ арміею послѣ графа Буксгевдена, Каменскій тотчасъ же вызвалъ Ридигера въ свою главную квартиру (кажется, въ г. Умео). Не зная причины этого вызова и полагая, что и самъ Каменскій питалъ къ нему нерасположеніе, Ридигеръ поспѣшилъ однако въ Умео. Прибывъ туда и узнавъ, что главнокомандующій квартируетъ на площади, Ридигеръ остановившись въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ, одѣлся въ полную форму и пѣшкомъ пошелъ къ дому, занимаемому графомъ Каменскимъ. Графъ былъ у окна и, увидѣвъ Ридигера, вышелъ къ нему на встрѣчу, обнялъ его, просилъ забыть прошлую несправедливость его предшественника, рассказалъ окружающимъ подвигъ, совершенный Ридигеромъ при Оровайсѣ, и самъ прикололъ ему къ ментуку Георгіевскій Крестъ.

Здѣсь обратимъ вниманіе читателя на характеристическую служебную особенность графа Федора Васильевича, къ которой возвратимся не одинъ разъ: на ряду съ своими военными заслугами, Ридигеръ ставилъ умѣнье

быть полезнымъ службѣ въ мирное время. Какъ истинно-военный человѣкъ, покойный графъ любилъ науку и считалъ доведеніе своей части до совершенства въ мирное время—залогомъ успѣха въ военное. Будучи отважнымъ партизаномъ, онъ въ то же время былъ служака въ полномъ значеніи слова: эскадронъ, полкъ, бригада, дивизіи, корпуса, поручаемые Ридигеру, были всегда по истинѣ образцовыми.

До самаго конца своей жизни сохранилъ графъ Ридигеръ это убѣжденіе: постоянною его мыслию, обратившеюся въ служебное правило, было: что никакая храбрость, никакое военное отличіе и даже геній не освобождаютъ человѣка отъ строгой исполнительности и постоянного стремленія къ совершенствованію; что учиться надобно цѣлую жизнь, не отвергая и теоретическихъ изслѣдованій, и главное, что, для пользы службы, начальникъ долженъ заглушить въ себѣ личное самолюбіе.... Кто изъ насъ безъ глубочайшей признательности и удивленія можетъ вспомнить, что первымъ и ревностнѣйшимъ посѣтителемъ публичныхъ военныхъ чтеній былъ уважаемый графъ Федоръ Васильевичъ: являясь прежде всѣхъ и слѣдя за чтеніемъ съ на-

пряженнымъ вниманіемъ, онъ ободрялъ читавшаго привѣтливими словами.. Да будетъ же благословенна память твоя, достойнѣйшій начальникъ; примѣръ твой да послужитъ всѣмъ намъ указаніемъ, что «учиться никогда не поздно»!...

Предоставляя будущему жизнеописателю графа Ридигера рассказать всѣ подробности пройденнаго имъ поприща, остановимся надъ главнѣйшими событіями его служебной дѣятельности (*).

Каждому Русскому извѣстно участіе графа Витгенштейна въ знаменитой Отечественной войнѣ 1812 года — Ридигеръ сражался подъ знаменами Витгенштейна и былъ ближайшимъ помощникомъ знаменитаго Кульнева, послѣ смерти котораго заступилъ его мѣсто. Подъ Свольной Ридигеръ принялъ на руки смертельно пораженнаго ядромъ своего шефа, и, забрызганный еще его кровію, сказалъ, обратясь къ полку: «Братцы, отметимъ за достойнѣйшаго нашего начальника» — и цѣлый полкъ непріятельской кавалеріи, уже почти

(*) Графъ Федоръ Васильевичъ велъ журналъ главнѣйшимъ событіямъ своей военной жизни; обнародованіе этого журнала прольетъ новый свѣтъ на происшествія, сдѣлавшіяся теперь достояніемъ исторіи.

взлетѣвшій на батарею нашу, былъ смятъ, опрокинутъ, уничтоженъ...

Въ двукратномъ бою при Полоцкѣ Ридигеръ является самостоительно дѣйствующимъ начальникомъ; еще прежде получилъ онъ (10-го Августа) званіе шефа Гродненскаго Гусарскаго Полка. Въ дни втораго полоцкаго сраженія Ридигеръ, какъ левъ, шелъ на непріятельскіе окопы и изъ первыхъ ворвался въ городъ съ витебской стороны, за что, въ полковничьемъ чинѣ, награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-й степени. Сраженіе при Чашникахъ дало Ридигеру чинъ генералъ-маіора; подъ Борисовымъ онъ ускоряетъ атакою Гродненскаго полка во флангъ непріятелю сдачу генерала Партуно; затѣмъ стремительно преслѣдуетъ Баварцевъ чрезъ Вилейку до Вильно и является съ своимъ полкомъ подъ Колтынянами, гдѣ смѣлое движеніе Дибича разобщило прусскую дивизию Юрка отъ корпуса Макдональда.

По перенесеніи войны въ предѣлы Германіи, Ридигеръ, командуя авангардомъ колонны Шепелева, разбиваетъ непріятельскій аріергардъ у Лабіо, преслѣдуетъ его по пятамъ, занимаетъ Кенигсбергъ и Эльбингъ, и первый

водружаетъ побѣдныя русскія знамена на берегахъ Вислы.

Въ 1813 году, Ридигеръ былъ въ числѣ войскъ арьергарда, прикрывавшаго отступление русскаго арміи послѣ Люценскаго сраженія, а 8-го и 9-го Мая дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и рѣшительностію подъ Бауценомъ. — Въ первый день, начальствуя правымъ крыломъ корпуса Клейста, Ридигеръ, до глубокой ночи удерживалъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, переправу чрезъ рѣку Шпре, а 10-го, при отступленіи арміи къ Рейхенбаху, находясь подъ командою генераловъ Ермолова и Раевского, былъ въ арьергардѣ арміи, и здѣсь удачною атакою спасъ 4-й егерскій полкъ. Во время Кульмскаго боя, Ридигеръ съ 2 полками 1-й гусарской дивизіи содѣйствовалъ къ опрокинутію непріятели въ нолендорфскую тѣснину. — Передъ Лейпцигскимъ сраженіемъ, 2-го Октября, Фодоръ Васильевичъ, находясь подъ начальствомъ графа Палена, сражался противу непріятельской кавалеріи, бывшей подъ личнымъ предводительствомъ Короля Неаполитанскаго.

Во время кровопролитнаго боя при Лейпцигѣ, Ридигеръ командуя 1-ю гусарскою дивизіею, находился въ самомъ цѣлу сраженія, сначала у Либертъ-Волковица, а потомъ подъ Пробштейде, гдѣ его гусары вырвали у непріятели два орудія.

Во время бѣгства наполеоновой арміи послѣ разгрома подъ Лейпцигомъ, Ридигеръ былъ ея грозой: сдѣлавъ форсированный маршъ черезъ Готу, Эйзенахъ, Фридбергъ, онъ прибылъ на Рейнъ, гдѣ до конца года охранялъ пространство, по теченію этой рѣки, отъ Мангейма до Кея.

Въ 1814 году, принимая участіе во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ находился корпусъ Витгенштейна, Ридигеръ обратилъ на себя вниманіе въ особенности двумя искусными и рѣшительными дѣйствіями. — 15-го Февраля, во время боя при Баръ-сюръ-Объ, 1-я гусарская дивизія, появившись въ тылу Французовъ у д. Арсенваль, привела ихъ въ такой безпорядокъ, что кавалерія Трельяра спаслась вплавь черезъ р. Объ; а 19-го Февраля, при началѣ генеральнаго сраженія подъ Троа, Ридигеръ зашелъ въ тылъ непріятелю по дорогѣ въ Теннеларъ, отбилъ у Французовъ паркъ и орудія, врубился въ отступав-

шую изъ с. Лабруссель пѣхоту и привелъ ее въ совершенное разстройство.

18-го Марта, въ день взятія Парижа, Ридигеръ, съ двумя полками гусарь, содѣйствовалъ къ отбитію 14 орудій между Венсеномъ и Тронною Заставою, а 19 *былъ въ авангардѣ войскъ, вступившихъ въ Парижъ*, и двинулся къ Эссону, гдѣ наблюдалъ за непріателемъ до самаго заключенія перемирія.

Здѣсь оканчивается приуготовительная служба Федора Васильевича къ будущему его великому поприщу. Въ доказательство того, какъ цѣнились заслуги Ридигера, приведемъ слова предписанія Начальника Главнаго Штаба Его Величества о назначеніи Ридигера начальникомъ 3-й гусарской дивизіи, 1826 года 16-го Ноября: «Государь Императоръ, желая дать отличнаго начальника 3-й гусарской дивизіи, какъ для военнаго, такъ и для мирнаго времени, Высочайше соизволилъ назначить Васъ на сіе мѣсто».

Увидимъ, какъ блистательно было оправдано Ридигеромъ это Монаршее довѣріе.

III.

Великія событія образуютъ замѣчательныхъ людей, умѣющихъ пользоваться представляющимися уроками: истина эта вполне оправдалась на Федорѣ Васильевичѣ Ридигерѣ—на тридцатомъ году отъ рожденія и пятнадцатомъ службы—онъ уже начальствуетъ 1-ю гусарскою дивизією, и званіе это получилъ, какъ справедливую дань за свои заслуги и достоинства.—Дѣло начальствованія есть почетное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великое и часто трудное бремя даже для людей, посѣдѣвшихъ на службѣ. Какъ же и на этомъ поприщѣ успѣлъ приобрести громкую извѣстность молодой генералъ въ то время, когда наши тогдашніе начальники, преимущественно же кавалерійскіе, соперничали молодечествомъ, подвигами, а нѣкоторые, сверхъ того, имѣли еще за собою богатство и громкое имя? Въ этомъ случаѣ, съ перваго взгляда, казалось, Ридигеру далось завидное преимущество, какимъ обладаютъ немногіе. Почти всѣ безъ

исключенія, такъ сказать, шли на встрѣчу привязанности тѣхъ, которые были подъ ихъ начальствомъ, и употребляли возможныя средства для пріобрѣтенія ихъ довѣренности; на-противъ того, у Ридигера — привязанность подчиненныхъ какъ будто бы искала начальника: они вѣрили въ его опытность, знаніе дѣла, постоянное умѣнье предвидѣть ихъ нужды, и готовы были исполнять его малѣйшее желаніе.

Рѣдкое и едва-ли неисключительное явленіе представлялъ этотъ тридцатилѣтній генералъ: суровый, спокойный, несообщительный, чуждый тѣхъ проблесковъ, которые часто считаются необходимыми для дѣйствія на толпу — Ридигеръ на службѣ держалъ подчиненныхъ на неизмѣримо далекомъ отъ себя разстояніи, а между тѣмъ, эти же самые подчиненные горячо любили, и не только уважали, но даже боялись его. Никогда не позволялъ себѣ Ридигеръ шутокъ съ солдатомъ, а солдаты готовы были идти въ огонь и въ воду, когда передъ рядами ихъ появлялся суровый, неразговорчивый но рѣшительный, пылкій и попечительный ихъ начальникъ.

Это кажущееся противорѣчіе объясняется характеромъ графа Федора Васильевича и

взглядомъ его на службу и военное дѣло: имѣя горячее и любящее сердце, но, въ то же время, высоко уважая военное званіе и налагаемыя имъ обязанности, Ридигеръ прежде всего опредѣлилъ, что начальникъ, для вѣрнаго и постояннаго дѣйствія на своихъ подчиненныхъ долженъ покорить чувству долга всѣ другія чувства, проникнуться достоинствомъ и важностью своего призванія, смягчивъ притомъ строгость воинской подчиненности вниманіемъ къ каждому добросовѣстному труду, поощреніемъ cadaго даровитаго усилія. Отличая достойныхъ, Ридигеръ умѣлъ заставить cadaго считать успѣхъ служебнаго дѣла ихъ собственнымъ успѣхомъ; такимъ образомъ съ Ридигеромъ *не только избѣгали дѣлать дурно, но старались дѣлать хорошо, и для прямой пользы службъ — въ силѣ и волю начальника соединялась сила и воля его подчиненныхъ*: офицеръ старался превзойти себя, зная, что каждое его дѣло будетъ замѣчено и оцѣнено по достоинству справедливымъ командиромъ, а солдатъ, видя это постоянное соревнованіе въ заботливости о его благѣ — душою и сердцемъ старался сдѣлаться того достойнымъ. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ благородныхъ усилій была польза служ-

бы, основанная на сознаниі достоинствъ и заслугъ каждаго.

Но подобный взглядъ на службу требуетъ отъ начальника полнаго и совершеннаго самоотверженія и настойчивости: разъ возбудивъ дѣятельность и соревнованіе, онъ долженъ постоянно идти впередъ, служа примѣромъ и такъ сказать, увлекаая всѣхъ за собою; всякая остановка, даже хотя бы и для того, чтобы окинуть глазомъ сдѣланное, есть уже обратный шагъ — и потому-то въ слухѣ подобныхъ избранниковъ судьбы всегда раздается голосъ: «впередь!» пока, наконецъ, могила не положитъ предѣла этому стремленію. ... И тогда только могутъ понять, сколько любви, самоотверженія и истиннаго величія было въ душѣ чловѣка, который въ продолженіе жизни могъ казаться безпокойнымъ и ничѣмъ недовольнымъ пововодителемъ.

Мы видѣли все, что совершенно было въ послѣднее время, въ теченіе 14 мѣсяцевъ, графомъ Ридигеромъ, когда уже болѣзнь ослабила его силы, и потому, конечно, имѣемъ право сказать, что рѣдкимъ едва-ли не исключительнымъ качествомъ графа Федора Васильевича была необыкновенная дѣятельность духа, обиліе умственныхъ средствъ и рѣшимость

энергически приводить въ исполненіе то, что для другихъ казалось стремленіемъ къ мечтательному совершенству. Ридигеръ, какъ чистый гусаръ и сподвижникъ сонма храбрыхъ, обезсмертившихъ собою военныя наши лѣтописи, былъ всегда въ головѣ cadaго умственного движенія или, какъ сказалъ о немъ кто-то: *Il avait le courage de l'initiative* (т. е. онъ имѣлъ мужество упреждать другихъ).

Подобная дѣятельность давала Федору Васильевичу возможность, въ военное время быть готовымъ на всякую случайность, а въ мирное была источникомъ живой, неослабной попечительности о подчиненныхъ. Неограничиваясь одною служебною исполнительностію, онъ дѣлился своимъ боевымъ опытомъ и обширными свѣдѣніями съ подчиненнымъ, велъ его извѣстнымъ путемъ къ вѣрной цѣли, не дозволяя тратить силы въ бесполезныхъ попыткахъ, и разъ удостоивъ кого-либо своею довѣренностію, вызывалъ на откровенность и требовалъ открытаго изложенія истины даже о томъ, что было имъ учреждено или составляло его любимѣйшія убѣжденія.

Лица, имѣвшія счастье ближе узнать графа Ридигера, всегда съ восторгомъ вспоминаютъ будутъ, сколько прямоты, откровенности и

скромности заключалось въ душѣ этого столь недоступнаго съ виду воина; лѣта и опытъ жизни не убавили пыла прекрасной души его и стремленія ея ко всему доброму, полезному и возвышенному.

Удивляться-ли, что, при этихъ качествахъ, Ридигеръ въ мирное время обращалъ на себя общее вниманіе отличнымъ состояніемъ ввѣряемыхъ ему частей? Послѣ 1-й гусарской и 2-й драгунской дивизіи, Ридигеръ принявъ въ 1826 году 3-ю гусарскую дивизію, и скоро довелъ ее до совершенства по превосходному состоянію коней, быстротѣ и бойкости въ маневрированіи. При этомъ Федоръ Васильевичъ, не ограничиваясь только служебною частію, и справедливо ставя образованіе офицеровъ залогомъ соответственнаго образованія войскъ, старался распространить между ними спеціальныя свѣдѣнія о кавалерійскомъ дѣлѣ и вообще приготовить ихъ къ будущимъ служебнымъ обязанностямъ. Для достиженія первой цѣли, Федоръ Васильевичъ поручилъ довѣреннѣйшему изъ адъютантовъ своихъ, А. Е. Энгельгарду, составить, по лучшимъ иностраннымъ руководствамъ, правила для манежной ѣзды, которыя и были

напечатаны въ 1824 году (*), а для образованія будущихъ офицеровъ учреждены, по проекту Ридигера, юнкерскія школы, при дивизионныхъ штабахъ, давшія впоследствии весьма хорошихъ офицеровъ.

При обученіи кавалеріи, Федоръ Васильевичъ требовалъ отъ солдата смѣливости и развязности, а отъ офицера находчивости. По великому правилу Суворова, *рутина и немощность* были преслѣдуемы Ридигеромъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ.

Естественно, что такая настойчивая заботливость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. По засвидѣтельствованію Главнокомандующаго 1-ю Арміею, Генералъ-Фельдмаршала Графа Остенъ-Сакена, Ридигеръ, въ Сентябрѣ 1827 года, удостоился получить особенное Монаршее благоволеніе за отличное состояніе полковъ 3-й гусарской дивизіи (**).

(*) Сочиненіе это, сдѣлавшееся нынѣ величайшею библиографическою рѣдкостью, отпечано in-4, съ 9 литографированными рисунками, подъ заглавіемъ: «*Тетрадь, заключающая въ себѣ правила манежной пѣзды съ подробными притомъ замѣчаніями относительно лошади, пѣздки и употребляемыхъ въ манежъ орудій.*»

(**) Изъ событій, предшествовавшихъ тому времени, упоминаемъ объ одномъ самомъ замѣчательнѣйшемъ: въ 1817 году Іюня 10-го, Ридигеръ, съ 1-ю гусарскою дивизіею, назначенъ былъ для встрѣчи и конвоирования отъ

Начиналась война съ Турціею.—Войска наши двигались къ Дунаю; въ числѣ прочихъ и Ридигеръ, выступивъ 7-го Апрѣля съ кантонирь-квартиръ своихъ въ Волынской Губерніи, прибылъ въ половинѣ Мая къ с. Болградъ. О состояніи 3-й гусарской дивизіи можно судить по слѣдующему Высочайшему приказу отъ 22-го Мая 1828 года:—«Его Величество объявляетъ особенное Свое благоволеніе Начальнику 3-й гусарской дивизіи, за отличную исправность ввѣренной ему дивизіи: гусарскіе полки, сдѣлавъ значительный походъ, представлены были на смотръ въ полномъ комплектѣ, по 20 рядовъ во взводѣ. Государь Императоръ изволилъ признавать такое сбереженіе людей и лошадей доказательствомъ примѣрнаго усердія и неусыпнаго попеченія начальниковъ частей.»

Говорить съ подробностью о дѣйствіяхъ Гра-

Полапгепа до ст. Каскова Ея Высочества Принцессы Прусской Шарлоты—нынѣ Императрицы Александры Оеодоровны, за что, въ знакъ благоволенія, получилъ отъ Ея Высочества табакерку съ вензелевымъ Ея именемъ.—*Спусти двадцать пять лѣтъ*, въ ознаменованіе счастливаго двадцати пятилѣтія супружеской жизни Ихъ Величествъ, и въ воспоминаніе сопровожденія Ридигеромъ Государыни Императрицы, онъ удостоился получить золотую табакерку, украшенную брилліантами, съ портретами Ихъ Величествъ.

оа Ридигера въ Турецкую Войну, значитъ разсказать всю ея исторію. Мы ограничимся только упоминаніемъ, что въ 1828, послѣ переправы нашей арміи при Сатуновѣ, Ридигеръ, начальствуя ея авангардомъ (изъ бригады пѣхоты), взявъ, Іюня 5-го, крѣпость Костенджи (*), занявъ отрядами Мангалию, Каварну и Бальчикъ и, послѣ жаркаго кавалерійскаго дѣла при Базарджикѣ, Іюня 25-го овладѣлъ Козлуджи, впереди котораго разбилъ 8-т. турецкую кавалерію. Затѣмъ, съ Іюля 8-го по 29-е Сентября, мы видимъ Ридигера въ дѣлахъ подъ Шумлюю, гдѣ его распорядительность и присутствіе духа давали намъ постоянный верхъ надъ непріателемъ. Въ Октябрѣ 1828 года, Ридигеръ принимаетъ начальство надъ 7 Пѣхотнымъ Корпусомъ. Въ 1829 году, Ридигеръ сначала наблюдаетъ за арміею верховнаго визиря, находившеюся въ Шумлѣ, довершаетъ пораженіе Турокъ при Кулевчѣ, а потомъ слѣдуя съ своимъ корпусомъ въ авангардѣ, переправляется черезъ р. Камчикъ у Чалымалы и, послѣ ряда кровопролитныхъ сраженій, повсюду опрокидывая Турокъ, пе-

(*) Кюстенджи сдалась на 4-й день по обложеніи; въ крѣпости было 1,500 чел. гарнизона, 56 орудій 6 знаменъ и значительное количество оружія и снарядовъ.

реходить через Балканы, слѣдуя на Арнаутларъ, Авайджикъ и Еркечъ, разбиваетъ еще разъ Турокъ при Алакаріи и Айдосъ, беретъ штурмомъ Айдосъ, а потомъ командуя кавалеріею всей арміи, содѣйствуетъ пораженію непріятели при Сливно, и Августа 8-го занимаетъ Адрианополь (*). — Алмазные знаки

(*) Для полноты представляемъ здѣсь возможно краткій очеркъ дѣйствій *Θ. В. Ридигера* въ Турецкую войну.

Мая 30. Перешедъ съ 5-ю гусарскою дивизіею рѣку Дунай при с. Сатуновѣ, Ридигеръ принялъ начальство надъ авангардомъ, составленнымъ изъ 2-й бригады вѣренной ему дивизіи и 3-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріею.

Юня 5-го Атаковалъ крѣпость Гюстенджи съ двумя бригадами 10-й пѣхотной и 2-й бригадою 3-й гусарской дивизіи; принудилъ гарнизонъ, изъ 1,300 человекъ состоявшій, 8-го числа, просить капитуляціи и 12-го числа положить оружіе; въ крѣпости найдено 36 орудій, 6 знаменъ и значительное количество оружія и сварядовъ.

Послѣ сего, посланными отъ усиленнаго авангарда отрядами заняты приморскія мѣста: Мангалія, Каварна, Бальчикъ, въ коихъ найдены значительные запасы продовольствія.

25-го Правая колонна авангарда, состоявшая изъ егерской бригады 10-й пѣхотной дивизіи и 8 эскадроновъ Бугскихъ уланъ, поддержанныхъ двумя эскадронами Александрійскаго Гусарскаго Полка, отразивъ нападеніе многочисленной турецкой кавалеріи, заняла г. Базарджикъ.

29-го. По занятіи авангардомъ м. Козлуджи, передовой отрядъ, состоявшій изъ 4-хъ эскадроновъ Александрійскаго и 2-хъ Принца Оранскаго Гусарскихъ Полковъ,

ордена Св. Александра Невского и орденъ Св. Владимира 1 степени были наградою Ридигеру за его подвигъ.

посланныхъ для открытія и наблюденія за движеніями корпуса турецкой кавалеріи, отступавшей отъ Базарджика, былъ атакованъ онымъ въ 10-ти верстахъ отъ Козлуджи при с. Еситенѣ. Ридигеръ прибылъ къ отряду самъ и, принявъ надъ онымъ начальство, отразилъ многократныя нападенія непріятельской кавалеріи, до 8-ми т. простиравшейся, и наконецъ, послѣ весьма жаркаго боя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, принудилъ Турокъ отступить.

Юля 8-го. При подступленіи арміи къ крѣпости Шумлѣ и прогнаніи непріятеля къ стѣнамъ оной, слѣдуя съ дивизіею за колоннами пѣхоты праваго фланга, усмотрѣвъ, что до 4 т. непріятельской кавалеріи обходили ложиною правое крыло и опрокинули казаковъ, прикрывавшихъ флангъ, атаковалъ Турокъ съ полками Александрійскимъ и Графа Виттенштейна, опрокинулъ непріятеля, не смотря на превосходство силъ его, и, дѣйствуя наступательно, принудилъ снять устроенныя на высотахъ с. Кадикіой двѣ батареи и, перейдя рѣку Буланькъ, занялъ Кадикію.

9-го. Прикомандированъ съ дивизіею къ 7-му Пѣхотному Корпусу и, съ сего времени по 29-е Сентября, занималъ лѣвый флангъ позиціи арміи, блокировавшею крѣпость Шумлу.

12-го. Имѣлъ счастье получить Высочайшій рескриптъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Примѣрная храбрость и мужество, оказанныя вами во все время командованія авангардомъ Дѣйствующей Арміи, и въ особенности благоразумныя распоряженія при покореніи російскому оружію крѣпости Кюстенджи, толь важную по настоящему военнымъ соображеніямъ, обращаютъ на васъ справедли-

При этомъ случаѣ вспомнимъ съ признательностію имена Витгенштейна и Дибича: оба они, на высотѣ величія и власти, не забыли сво-

вое Мое вниманіе, въ ознаменованіе, коего изъясляю совершенное Мое благоволеніе».

Юля 17-го. Съ егерскою бригадою 19-й пѣхотной дивизіи и Гусарскими Полками Графа Витгенштейна и Принца Оранскаго прогналъ непріятеля съ высотъ при с. Чафлыкѣ и овладѣлъ симъ селеніемъ (въ 10-ти верстахъ отъ Шумлы по парегралской дорогѣ; 18-го Юля отразилъ атаку непріятеля, покушавшагося возвратить свою позицію, и 19-го числа, оставивъ у Чафлыка, прибывшій къ отряду отъ главныхъ силъ арміи, Днѣпровскій Полкъ и дивизіонъ Александрійскаго Гусарскаго Полка, подвинулся къ с. Ескистамбулу, послѣ сильной перестрѣлки съ непріятелемъ, атаковавшимъ колонну по выходѣ изъ ущелья горъ, а 20-го Юля, заложивъ редутъ при с. Чафлыкѣ, возвратился съ отрядомъ къ главной арміи.

Юля 25-го. Съ отрядомъ изъ полковъ: Азовскаго, Днѣпровскаго, баталіономъ 37-го Егерскаго и эскадронмъ Гусарскаго Принца Оранскаго сбѣжалъ поискъ надъ непріятелемъ у подошвы Балканскихъ Горъ, взялъ, 26-го Юля, укрѣпленное горное ущелье Костежъ и отбилъ одно орудіе, причемъ будучи атакованъ высланнымъ изъ Шумлы отрядомъ силою до 6,000, отразилъ и прогналъ оный, потерявъ при томъ только одного убитаго офицера и 17 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

30-го. Выступивъ изъ лагеря подъ Шумлою съ 8-ю баталіонами пѣхоты и Гусарскими Полками; Ахтырскимъ и Принца Оранскаго, завлѣлъ позицію при Ескистамбулѣ и дѣйствовалъ на пути сообщенія крѣпости Шумлы по парегралской дорогѣ.

его товарища по 4-му Пѣхотному Корпусу въ 1812, 1813 и 1814 годахъ и чуждые всякаго соперничества и мелочной зависти,

Августа 5-го. Съ 6-ю баталіонами пѣхоты и дивизиономъ Гусарскаго Принца Оранскаго Полка атаковалъ и взялъ вновь укрѣпленное Турками горное ущелье Костежъ и рекогносцировалъ дорогу къ Шумлѣ идущую, причемъ отбито у непріятеля орудіе, большое знамя, лагерь и взято 175 человекъ въ плѣнъ. При возвращеніи на позицію къ Ескистамбулу, во время слѣдованія по узкой дорогѣ, отрядъ нашъ былъ атакованъ вышедшимъ изъ крѣпости Шумлы 20 т. корпусомъ Турокъ, но отразилъ ихъ съ успѣхомъ.

Августа 28-го. Во время сильной вылазки гарнизона Шумлы на наши центръ и лѣвый флангъ арміи, Ридигеръ, съ Гусарскими: Графа Виттенштейна и Принца Оранскаго Полками, опрокинулъ и преслѣдовалъ отрядъ турецкой кавалеріи изъ 3 т. человекъ, обшедшей лѣвый флангъ нашъ.

Сентября 29-го. Съ полками 5-й гусарской дивизіи, оставивъ лагерь подъ Шумлою, слѣдовалъ чрезъ Девно и Гаджи-Гасанъ Маръ подъ крѣпость Варну; для соединенія съ войсками Принца Евгенія Виртембергскаго.

Октября 14-го. По отбытіи Принца Евгенія вступилъ въ командованіе 7-мъ Пѣхотнымъ Корпусомъ, оставленнымъ на зимовыхъ квартирахъ въ Булгаріи, причемъ поручено особенному его попеченію укрѣпленіе и защищеніе г. Базарджика.

Въ теченіе зимы съ 1820 на 1828 годъ до самой весны, войска 7-го Пѣхотнаго Корпуса, расположенныя въ Базарджикѣ, Варнѣ и Праводахъ, крѣпили эти мѣста и дѣлали частыя экспедиціи и поиски противъ непріятеля и вооруженныхъ жителей.

не только, не стѣсняли круга его самостоятельныхъ дѣйствій, но доставляли ему все средства къ отличію.... Честь и слава вамъ,

Въ 1829 году, съ 28-го Марта по 6-е Апрѣля, въ слѣдствіе полученныхъ извѣстій о намѣреніи непріятеля, соединившаго въ крѣпости Шумлъ большія силы, напасть на нашу линію отъ Базарджика до Праводь, Ридигеръ занималъ съ отрядомъ изъ 4-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ казачьихъ полковъ позицію при мѣстечкѣ Козлуджи, какъ для отраженія сильныхъ непріятельскихъ партій, такъ и для скорѣйшей помощи мѣстамъ, коимъ угрожала опасность.

Мая 4-го. Вновь выступилъ изъ Базарджика съ тремя полками пѣхоты къ Козлуджи и, 6-го числа, по распоряженію Генерала отъ Инфантеріи Рота, соединился съ войсками 16-й пѣхотной дивизіи, занимавшими позицію при Ески-Арнаутъ-Ларѣ, для отраженія верховнаго визира, атаковавшаго, 5-го числа, войска бывшія на упомянутой позиціи; слѣдствіемъ сего соединенія было послѣднее отступленіе Турокъ къ крѣпости Шумлъ.

12-го. Войска наши, находившіяся у Козлуджи, между тѣмъ были усилены двумя бригадами пѣхоты 7-го Корпуса и прибывшею съ зимнихъ квартиръ на лѣвую сторону Дуная Бугскою Уланскою Дивизією.

17-го. Ридигеръ, принявъ начальство надъ частію кавалеріи, употребленною для отраженія сильной непріятельской рекогносцировки, обратилъ Турокъ въ бѣгство, причемъ отбито у нихъ одно знамя.

Мая 24-го. По случаю обложенія верховнаго визиремъ Праводь, войска 6-го и 7-го Корпусовъ заняли позицію при Ески-Арнаутъ-Ларѣ, а два полка 7-го Корпуса введены въ Праводы для усиленія гарнизона.

25-го. Ридигеръ принялъ командованіе надъ отрядомъ изъ 4-хъ кавалерійскихъ и двухъ казачьихъ полковъ и

**

доблестные воины!... Ставя пользу отечества выше расчетовъ личнаго самолюбія, вы украсили новыми лаврами русское оружіе, откры-

сѣлаять форсированную рекогносцировку арміи верховнаго визиря, осаждавшей Цраводы; при семъ сблизъ стремительно передовые посты, напалъ на отдѣльный отрядъ изъ 4,000 кавалеріи, стоявшей лагеремъ въ Нѣвчинской Долинѣ, близъ с. Ровно, опрокинулъ оный и совершенно разсѣялъ.

28-го Съ войсками 7-го Пѣхотнаго Корпуса, состоявшими изъ 5-ти пѣхотныхъ и 3-хъ уланскихъ полковъ, двинулся къ крѣпости Шумга на соединеніе съ 2-мъ Пѣхотнымъ Корпусомъ, слѣдовавшимъ туда скрытными маршами изъ-подъ крѣпости Силистрія, подъ личнымъ начальствомъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканскаго.

30-го. Въ день знаменитаго пораженія верховнаго визиря при с. Кулевчи, съ упомянутыми войсками 7-го Корпуса прикрывалъ тылъ нашихъ главныхъ силъ, наблюдая гарнизонъ крѣпости Шумы, и отражалъ производимыя имъ вылазки для содѣйствія атакамъ визиря, стремившагося прорваться въ Шумлу; а потомъ, при рѣшительной атакѣ нашихъ войскъ на непріятельскую армію, оставивъ кавалерію для наблюденія гарнизона Шумы, съ пѣхотою обратился на Кулевчу и составилъ ближайшій резервъ 2-му Пѣхотному Корпусу, вступившему въ это время въ бой, и потомъ, направивъ 3-ю гусарскую дивизію въ тылъ непріятеля, довершилъ его пораженіе.

Юни 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го чиселъ, дѣйствуя на пространствѣ между с. Марашеиъ и Есквтабумомъ, и занимая такимъ образомъ царградскую дорогу къ крѣпости Шумга, препятствовалъ разсѣяной арміи визиря

ли дорогу челоѣку даровитому, и своими поступками явили себя достойными послѣдователями нашего безсмертнаго Петра, изрек-

соединяться въ отряды и проникать въ крѣпость, отъ чего, при крайнемъ недостаткѣ продовольствія и ненастной погодѣ, Турки понесли большія потери въ людяхъ.

29-го Іюня. Получивъ приказаніе препятствовать фуражировкѣ шумлинскаго гарнизона по рѣкѣ Камчику, Ридигеръ, принявъ начальство надъ занимавшими аванпосты двумя казачьими полками, напалъ на турецкихъ фуражировъ близъ с. Мараша, и захвативъ часть оныхъ, прочихъ разбѣлъ. Между тѣмъ визирь, для спасенія своихъ фуражировъ, выслалъ изъ крѣпости до 5 т. отборной кавалеріи съ артиллерією, а къ казакамъ пришли въ подкрѣпленіе 3 полка Бугскихъ Уланъ; при семъ завязалось кавалерійское дѣло, въ которомъ Турки были опрокинуты и преслѣдуемы до черты картечнаго выстрѣла отъ крѣпости.

Іюля 5-го. Во время движенія войскъ нашихъ отъ Шумлы за Балканскія Горы, Ридигеръ выступилъ съ 7-ю пѣхотными и 2-мя Казачьими полками и слѣдуя чрезъ кумевчинскія тѣснины, 5-го числа, послѣ упornaго боя, овладѣлъ переправою чрезъ рѣку Камчикъ у с. Чалымалы, гдѣ отбито у непріятеля четыре знамени; Іюля 6-го, атаковавъ укрѣпленіе Турокъ при с. Курикой, разбилъ совершенно отрядъ ихъ, свыше 4 т. пѣхоты и части кавалеріи, охранявшихъ сей важный пунктъ, причемъ ваятъ лагерь, пороховой погребъ, три знамени и четыре полевыхъ орудія съ зарядными ящиками; того же числа двинулся внизъ по правой сторонѣ рѣки Камчика къ с. Дервишъ-Авану, чѣмъ содѣйствовалъ Генералу отъ Инфантеріи Роту къ пораженію Турокъ на семъ пунктѣ и овладенію переправой. 8, 9 и 10 войска 7-го

шаго въ знаменитый день Полтавскій: «а о Петръ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи»... Чудный примѣръ великодушія, справедливости и любви къ отечеству.

Съ окончаніемъ войны 1829 до 1831 года, Ридигеръ, назначенный начальникомъ находившагося близъ Яссы 4-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, успѣлъ благоразумными мѣрами прекратить чумную заразу въ Кня-

Корпуса, составляя авангардъ арміи, употребили для перехода Балканскихъ Горъ, слѣдуя на Арнаутъ-Ларъ, Авайджиикъ и Екерчь. 10-го. Ридигеръ, принявъ начальство надъ передовымъ отрядомъ авангарда, состоявшимъ изъ 37-го Егерскаго и 2-хъ казачьихъ полковъ, разбилъ непріятельскій отрядъ, свыше 3-хъ тысячъ пѣхоты и кавалеріи, защищавшихъ спускъ съ горъ въ долину Келлеръ, причемъ взято два знамени и пѣхотныхъ: 12 штабъ и оберъ-офицеровъ и 120 нижнихъ чиновъ. Юля 11-го, спустившись съ горъ, быстро двинулся къ с. Алакаринъ, дабы настичь непріятельскій отрядъ, имѣвшій тамъ свой лагерь; но Турки, не смѣя противустоять, обратились въ бѣгство, оставивъ весь лагерь, два полевыхъ орудія и большіе запасы продовольствія и снарядовъ. 13-го. Слѣдуя къ г. Айдоу съ 4-мя пѣхотными, 2-мя уланскими и 2-мя казачьими полками началъ на 12-т. корпусъ регулярной пѣхоты, прибывшей наканунѣ изъ Шумы, для защиты сего важнаго мѣста, разбилъ непріятеля наголову и взялъ штурмомъ городъ; причемъ отбито 4 знамени, 4 полевыхъ орудія, взято до 400 человекъ въ плѣнъ и найдены въ городѣ значительные запасы боевыхъ

жествахъ; а по возвращеніи въ отечество, во время появленія холеры въ южныхъ губерніяхъ, хотя корпусъ Ридигера и былъ разсѣянъ, для составленія кордонныхъ линій и оцѣпленія мѣстъ, подвергшихся эпидеміи, но благодаря неутомимой дѣятельности Федора Васильевича и частныхъ начальниковъ, приняты были вездѣ необходимыя мѣры осторожности и учреждено повсюду скорое пособіе

сваряловъ: 15-го занялъ городъ Карнабатъ; 20-го—Ямболь, а 31-го, командуя кавалеріею, состоявшею изъ 4-й уланской и 2-й гусарской дивизій и 2-хъ казачьихъ полковъ, имѣлъ назначеніе вести атаку на непріятельскій корпусъ, защищавшій г. Сливно со стороны Ямбола и Карнабата, въ то время, когда пѣхота 7-го Корпуса, подъ личнымъ распоряженіемъ Главнокомандующаго Арміею, наступала по дорогѣ изъ Карнабата у подошвы горъ. Совершивъ обходное движеніе, Ридигеръ, быстрымъ натискомъ и смѣлымъ дѣйствіемъ конной артиллеріи, обратилъ непріятеля въ совершенное бѣгство, принудивъ его оставить въ рукахъ нашихъ два знамени и 4 полевыхъ орудій и вслѣдъ за бѣгущими вошелъ въ городъ, причемъ въ преслѣдованіи отбито еще одно знамя и пять полевыхъ орудій. Августа 8-го, Ридигеръ участвовалъ въ занятіи города Адрианополя, подъ личнымъ начальствомъ Г. Генераль-Фельдмаршала, гдѣ войска 7-го Пѣхотнаго Корпуса оставались до окончанія кампаніи, и въ теченіе сего времени имѣлъ порученіе съ отрядами, собраннымъ у м. Донеанръ, наблюдать войска Скюдринаскаго Паши Мустафы и предупреждать ихъ непріязненныя движенія.

для заболѣвающихъ, что дало возможность не только вполне сохранить войска отъ эпидеміи, но и помогать жителямъ, поступавшимъ для пользованія въ военные лазареты.

Между тѣмъ въ Варшавѣ вспыхнуло возмущеніе; броженіе умовъ начало обнаруживаться между польскимъ народонаселеніемъ Подоли и Волыни, и вѣсть о предстоящемъ вторженіи въ Подолію партизана Дверницкаго, пріобрѣтшаго извѣстность поверхностью, одержанною надъ нашими войсками подъ Сточекъ, придавала положенію дѣлъ весьма опасный характеръ. — На Ридигера возложено было Главнокомандующимъ 1-ю Арміею трудное дѣло — остановить Дверницкаго, успокоить польское народонаселеніе русскихъ областей и, взявъ оружіе въ Польшу, сдѣлать диверсію для соспѣшествованія нашей главной арміи.

Не смотря на ограниченность средствъ, Федоръ Васильевичъ явился вполне достойнымъ этого важнаго порученія и выказалъ при его исполненіи величайшіе достоинства истинно военнаго, самостоятельнаго начальника.

Дѣйствія нашей главной арміи и паденіе Варшавы поставили какъ бы въ тѣнь важ-

ность государственной заслуги О. В. Ридигера въ 1831 году, а потому считаемъ долгомъ остановить вниманіе читателя на этихъ превосходныхъ дѣйствіяхъ, которыя напоминаютъ чудные походы Суворова въ Польшѣ, и Бонапарте въ 1796 году. Ограничимся самымъ сжатымъ очеркомъ этого знаменитаго эпизода Польской Войны.

1831 Февраля 28-го дня, Главнокомандующій 1-ю Арміею Графъ Сакенъ, получивъ извѣстіе о намѣреніи Дверницкаго (перешедшаго Вислу въ Пулавахъ и проникшаго чрезъ Люблинъ въ Замосць) съ вновь сформированными ополченіями, вторгнуться въ Волынскую и Подольскую Губерніи, для открытія и поддержанія поголовнаго вооруженія, потребовалъ къ себѣ Ридигера и поручилъ ему начальство надъ полками 11-й пѣхотной и 1-й бригады 3-й гусарской дивизіи, которые между тѣмъ были отправлены форсированными маршами къ Владиміру на Волынѣ, приказавъ употребить все средства, для воспрепятствованія Дверницкому исполнить свое предпріятіе.

7-го Марта, Ридигеръ прибылъ во Владиміръ и, найдя тамъ 4 полка 11 пѣхотной дивизіи въ весьма слабомъ состояніи послѣ

турецкой кампаніи, сформировалъ ихъ въ од-
нобаталіонный составъ, поставилъ на живую
ногу и устроилъ депо для обученія посту-
павшихъ рекрутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ напра-
вилъ форсированнымъ маршемъ 1-ю бригаду
1-й драгунской дивизіи изъ Проскурова къ
Дубно, а вслѣдъ за нею 2-ю бригаду изъ
Каменецъ-Подольска, по смѣнѣ съ 5-ю улан-
скою дивизіею, бывшею для карантиннаго на-
блюденія на Днѣстрѣ, и представилъ Главно-
командующему Арміею о необходимости со-
брать съ возможною поспѣшностію ближай-
шія войска въ Волынской и Кіевской Губер-
ніяхъ, на рѣку Стырь.

29-го Марта, Дверницкій перешелъ рѣку
Бугъ у м. Крылова; Ридигеръ, не находя
возможности удержать его съ 4-мя находив-
шимися въ Владимірѣ баталіонами, не под-
вергнувъ ихъ совершенной опасности, рѣ-
шилъ соединиться съ слѣдовавшими къ нему
подкрѣпленіями, прикрыть г. Дубно и на-
ходящееся тамъ комиссаріатское депо; для
чего отступилъ чрезъ Локачи и Скурче въ
м. Красное, присоединивъ къ себѣ на пути
1-ю бригаду 1-й драгунской дивизіи, въ м.
Красномъ 1-ю, 3-ю бригады 10-й пѣхот-
ной дивизіи и Гусарскій Принца Оранскаго

Полкъ, чѣмъ удвоилъ свои силы и сосредоточилъ разбѣянные и отдѣльныя части Русскихъ войскъ, бывшія на пути непріятеля. — Кто въ этомъ превосходномъ движеніи не увидитъ яснаго доказательства тому, что благоразумная осторожность въ началѣ дѣйствій есть вѣрнѣйшій залогъ послѣдующихъ успѣховъ.

6-го Апрѣля, Дверницкій, расположивъ главныя свои силы у м. Боремля, выдвинулъ для охраненія переправы чрезъ рѣку Стырь 3 баталіона пѣхоты на правый берегъ и занялъ лѣсъ, прилегающій къ мосту. Энергически слѣдя за дѣйствіями противника, Ридигеръ атаковалъ эти баталіоны бригадою 10-й пѣхотной дивизіи, опрокинулъ ихъ на лѣвый берегъ Стыря, истребилъ мостъ и, кромѣ значительнаго числа убитыхъ во время весьма упорной схватки, взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ, до 100 человекъ нижнихъ чиновъ, и захватилъ 4 чугунныхъ орудія, которыми предполагали мятежники вооружить предмостное укрѣпленіе.

7-го Апрѣля, Ридигеръ началъ наступленіе и, переправившись черезъ Стырь у м. Храники, атаковалъ Дверницкаго на высотѣ с. Новоселки и, тѣся на прежнюю его по-

зицію у м. Боремля, нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Пѣхота мятежниковъ, благодаря сосредоточенному дѣйствию нашей артиллеріи, послѣ важныхъ потерь, разсѣяна и четыре эскадрона лучшей польской кавалеріи, состоявшей изъ ветерановъ, совершенно уничтожены въ кавалерійскихъ атакахъ, коими Дверницкій усиливался спасти свою пѣхоту. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Гусарскій Принца Оранскаго Полкъ, состоявшій подъ командою Флигель-Адъютанта (нынѣ Генераль-Адъютанта Командира Гвардейскихъ корпусовъ) Плаутина.

Съ 8-го по 14-е Апрѣля, послѣ битвы у м. Боремля, прекратившейся по темнотѣ ночи, Дверницкій, бросивъ своихъ раненыхъ въ замкѣ и потопивъ 4 подбитыя орудія въ р. Стырѣ, отступилъ къ м. Берестечко и, перейдя тамъ р. Стырь, устремился въ Подольскую Губернію. Ѳедоръ Васильевичъ, заключая изъ неожиданнаго движенія противника въ Подольскую Губернію, что онъ намѣренъ вести партизанскую войну и ищетъ содѣйствія внутреннихъ ополченій, быстрымъ преслѣдованіемъ непріятеля, параллельно его пути наступленія, чрезъ Берестечко, Козенець, Кременецъ, Вишневецъ и Вышгородъ

докъ, отбросилъ Дверницкаго къ границѣ и притѣснилъ его къ болотамъ, образуемымъ верховьями р. Збручи.

Апрѣля 15-го, онъ окружилъ своего противника на высотѣ с. Москалевки, у Люлинской Корчмы, и послѣ непродолжительнаго сопротивленія, принудилъ броситься въ Галицію и сложить тамъ оружіе. Послѣдствіемъ сего было то, что армія мятежниковъ лишилась 24-хъ эскадроновъ кавалеріи, изъ коихъ 18 были составлены изъ ветерановъ, а шесть новаго формированія, и 8-ми баталіоновъ пѣхоты, сдавшихся Австрійцамъ военнопленными со всѣми чиновниками, сверхъ большаго числа нерегулярныхъ войскъ и волонтеровъ, разбѣжавшихся послѣ боремльскаго дѣла. Трофеи наши состояли изъ 17 мѣдныхъ полевыхъ орудій съ зарядными ящиками и со всею принадлежностію, 1,795 строевыхъ лошадей и части оружія, выданныхъ намъ Австрійцами; большое же число оружія истреблено самими солдатами, а лошади распроданы. Такимъ образомъ, благодаря искусству, неутомимости и настойчивости Ридигера, рушилось предпріятіе польскихъ мятежниковъ, надѣявшихся поддержать возмущеніе на Волынѣ и Подолиі содѣйствіемъ сильнаго

корпуса войскъ; ближайшимъ же послѣдствіемъ этихъ превосходныхъ дѣйствій было пораженіе у Казимиржа Барономъ Крейцомъ корпуса генерала Стравскаго, посланнаго для подкрѣпленія Дверницкаго, и бездѣйствіе Хржановскаго, который, съ отрядомъ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ, прорвавшись изъ Варшавы чрезъ Коцькъ и Любартовъ въ Замосць, остался въ этой крѣпости.

По совершенномъ усмирении края, Ридигеръ, отдѣливъ 11-ю пѣхотную и 3-ю гусарскую дивизіи, по назначенію Главнокомандующаго 1-ю Арміею, для сформированія ихъ на Волынѣ и обезпеченія внутренняго спокойствія, перешелъ, 7-го Мая, съ 1-ю пѣхотною, 1-ю драгунскою и 1-ю бригадою 1-й конно-егерской дивизіи чрезъ рѣку Бугъ въ Царство Польское и, занявъ позицію у с. Менчина, наблюдалъ крѣпость Замосць, тревожа гарнизонъ ея и отрядъ Хржановскаго частными атаками.

Мая 25-го по случаю отозванія Генерала Барона Крейца съ состоявшими у него войсками изъ Люблинскаго Воеводства для усиленія главной дѣйствующей арміи, Ридигеръ, удостоившійся за предшествовавшія дѣйствія получить званіе Генералъ-Адъютанта, пере-

давъ охраненіе границъ Волини Генераль-Лейтенанту Красовскому, занялъ, съ состоявшими у него войсками и поступившими подъ его начальство 12-ю эскадронами 2-й конно-егерской дивизіи, Люблинское воеводство, охраняя все пространство между рѣками Вислою, Вепржемъ и Бугомъ и наблюдая за крѣпостью Замосць. Главныя силы корпуса Ридигера расположились 28-го Мая, въ Люблинѣ.

Между тѣмъ въ это время, главная наша армія предприняла движеніе изъ Остроленки къ Плоцку, для переправы на Нижней Вислѣ, а главнокомандующій польскою арміею Скржинецкій, имѣя всѣ свои силы сосредоточенными подъ Варшавою, выдвинулъ корпуса Янковскаго и Рыбинскаго къ Вепржу, дабы, одновременно ихъ наступленіемъ, вмѣстѣ съ отрядами Ромарино со стороны Вислы, и Хржановскаго изъ крѣпости Замосць, окружить и уничтожить корпусъ Генераль-Адъютанта Ридигера, овладѣть Люблинскимъ Воеводствомъ и сдѣлать новое вторженіе въ границы наши.

Здѣсь совершилось одно изъ тѣхъ дѣлъ, которое должно служить примѣромъ искусства и рѣшительности въ военной исторіи. Ге-

нераль-Адъютантъ Ридигеръ, видя, что ему предстояло или отступать безъ боя изъ Люблина, или быть окруженнымъ превосходными силами, рѣшился быстрымъ, внезапнымъ и смѣлымъ нападеніемъ пріостановить непріателя и потомъ, въ случаѣ неблагоприятнаго исхода дѣлъ, отступать къ с. Лещно, какъ центральному пункту для прикрытія границъ Волыни.

Принявъ это отважное и превосходно рассчитанное рѣшеніе, Ридигеръ сосредоточилъ въ Люблинѣ 12 баталіоновъ 10-й пѣхотной дивизіи и 20 эскадроновъ кавалеріи, и 5-го Іюня выступилъ на встрѣчу непріателю: 6-го Іюня перешелъ въ бродъ рѣку Вепржъ у с. Лысобыкъ, на глубинѣ рѣки до 4-хъ футовъ и ширинѣ до 100 футовъ (причемъ всѣ заряды были вынуты изъ ящиковъ и перевезены кавалерією) и послалъ легкія кавалерійскія партіи на Коцкъ, дабы, захвативъ оный, развлечь силы непріателя и заставить его думать о движеніи къ нему въ тылъ сильныхъ отрядовъ.

Обнародованіе записокъ графа Ридигера раскроетъ искусство, хитрость и тайну, съ которыми Федоръ Васильевичъ, окруженный со всѣхъ сторонъ превосходными силами непрі-

ателя, успѣлъ увѣрить Янковскаго, Рыбинскаго, Ромарино и Хржановскаго, что въ тылъ имъ идутъ русскіе отряды Толя, Розена и Кайсарова. Не можемъ однако отказать себѣ въ удовольствіи повторить шутку, которою окончилъ Ридигеръ военное совѣщаніе въ ночь съ 6-го на 7 е Іюня. «Говорятъ, что Поляки заказали даже клѣтку, чтобы вести меня въ Варшаву; да не такая я птица, чтобы сидѣть въ клѣткѣ».

Іюня 7-го совершилось это знаменитое дѣло. Ридигеръ на разсвѣтѣ напалъ на корпусъ Янковскаго близъ с. Будзиско, и, послѣ упорнаго боя, опрокинувъ его съ занятой позиціи, принудилъ отступить, при чемъ непріатель потерялъ плѣнными одного штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 506 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ то же время, посланнымъ въ тылъ Янковскому кавалерійскимъ отрядомъ у с. Рудки отбитъ весь паркъ польскаго корпуса, до 50 фуръ боеваго обоза, и захвачены адъютанты Скржинецкаго, графъ Малаховскій и Князь Сангушко. Янковскій, атакованный съ фронта, и принимая появившійся съ тылу отрядъ за авангардъ колонны Толя, поспѣшно и въ беспорядкѣ отступилъ къ Окжеѣ для соединенія съ Рыбинскимъ, и затѣмъ оба

корпуса отозваны Скржинецкимъ къ Варшавѣ, а Генераль-Адъютантъ Ридигеръ, возвратясь въ Люблинъ, отправилъ кавалерію для преслѣдованія отряда Хржановскаго, который, вышедъ изъ Замосця для дѣйствія въ тылъ Ридигеру и получивъ въ Люблинѣ извѣстіе о пораженіи Янковскаго, бросился къ Пулавамъ и переправился тамъ за Вислу.

Разбитіемъ Янковскаго рушилось второе предпріятіе мятежниковъ вторгнуться въ Россію и произвести возстаніе въ пограничныхъ губерніяхъ. Янковскій, обвиненный по суду въ измѣнѣ, былъ повѣщенъ, а Скржинецкій лишился довѣрія арміи.—Преклонимся же съ удивленіемъ предъ этимъ подвигомъ, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что графъ Ридигеръ, по скромности, не настаивалъ на его болѣе извѣстности.

1-го Іюля. Генераль-Адъютантъ Ридигеръ, испросивъ согласіе Главнокомандующаго 1-ю Арміею, переправился на лѣвый берегъ Вислы, дабы лишить мятежниковъ, укрѣпившихся въ Варшавѣ, пособій изъ южной Польши и Галиціи и дѣйствовать на сообщеніе ихъ съ Краковомъ, гдѣ было главное депо всѣхъ вооруженій. Съ этой цѣлью приступилъ онъ къ постройкѣ моста у Юзефова.

9-го Июля. Получивъ извѣстіе, что сильный корпусъ мятежниковъ, подъ начальствомъ Ромарино, поддерживаемый Скржинецкимъ, отъѣхали изъ Седльца войска, состоявшаго подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Головина, и что послѣдній отступаетъ къ Бресту, Генераль-Адъютантъ Ридигеръ, форсированнымъ маршемъ, двинулся чрезъ Коцкъ для соединенія съ Головинымъ, дабы общими силами уничтожить намѣренія непріятели. Движеніе это принудило Ромарино съ поспѣшностію отступить къ укрѣпленіямъ Праги, и Генераль-Адъютантъ Ридигеръ, очистивъ отъ непріятели пространство между Окжеею, Луковымъ и Гарволинымъ, занялъ наблюдательную позицію у м. Маркушева, дабы прикрывать постройку моста и быть въ готовности отражать новыя покушенія мятежниковъ изъ Праги, угрожая флангу ихъ операціонной линіи. Не смотря на эти дѣйствія, постройка моста у м. Юзефова, достойная примѣчанія тѣмъ что она предпринята на быстрой рѣкѣ въ 180 сажень ширины, безъ инженерныхъ офицеровъ и понтонеровъ, при однихъ мѣстныхъ пособіяхъ, продолжалась. Мѣстные средства были столь недостаточны, что нужно было предварительно изготовить нѣсколько

лодокъ и обучать людей ихъ употребленію, а также отыскивать якоря по рѣкамъ Вепржу и Бугу и свозить ихъ поодиначкѣ. — При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, мостъ былъ оконченъ къ 25-му Іюля; къ этому времени Ридигеръ получилъ въ подкрѣпленіе 2-ю бригаду 11-й пѣхотной дивизіи и 2-ю бригаду 1 конно-егерской дивизіи. Въ день окончанія постройки моста, 25-го Іюля, Ѳеодоръ Васильевичъ переправился съ 18 баталіонами 3-го Пѣхотнаго Корпуса и 32-мя эскадронами 4-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса на лѣвый берегъ Вислы.

Рядъ весьма удачныхъ дѣлъ былъ слѣдствіемъ этой рѣшимости перенести войну туда, гдѣ непріятель наименѣе ожидалъ нападенія: такъ, Іюля 26-го, кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Графа Тимана, очищая лѣвый берегъ Вислы, уничтожилъ депо въ г. Сандомиржѣ и взялъ въ плѣнъ 2-хъ офицеровъ и 50 человекъ нижнихъ чиновъ. Іюля 28-го, Авангардъ, подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Барона Гейсмара, разбилъ отрядъ мятежниковъ у м. Гнѣвашова, взялъ въ плѣнъ 2-хъ штабъ-офицеровъ, 17 оберъ-офицеровъ и 505 человекъ нижнихъ чиновъ и овладѣлъ двумя полевыми мѣдными

орудіями съ ящиками и всею принадлежностію. 29-го, Генераль-Маіоръ Квитницкій, съ двумя баталіонами и 4-мя эскадронами, опрокинулъ отрядъ мятежниковъ, занимавшій м. Ильзу. 30-го, Генераль-Адъютантъ Принцъ Адамъ Виртембергскій, съ двумя баталіонами и 4-мя эскадронами, занялъ городъ Радомъ и разбилъ мятежниковъ у с. Закршевой Вульки; а отрядъ Генераль-Маіора Графа Тимана уничтожилъ, у с. Мрочково, резервные баталіоны 4-го и 7-го линійныхъ полковъ, взялъ въ плѣнъ 3-хъ офицеровъ и 150 человекъ нижнихъ чиновъ и разорилъ оружейный заводъ въ с. Суходневъ. Въ то же время, главныя силы корпуса *Ф. В. Ридигера*, не стѣсняясь дѣйствіями отрядовъ, слѣдовали отъ Юзефова на Зволинъ, Радомъ и Конскъ и, быстрымъ наступленіемъ, не допуская непріятельскіе отряды сосредоточиваться, принудили ихъ въ безпорядкѣ искать спасенія въ лѣсахъ Краковскаго Воеводства, отъ чего новонабранные солдаты большею частію разбѣжались, поголовное вооруженіе Сандомирскаго Воеводства не могло быть собрано и приготовленные для него запасы оружія въ Радомъ, Конскъ, Суходневъ и другихъ мѣстахъ уничтожены. Послѣ сего Генераль-Адъютантъ Ридигеръ

занялъ центральную позицію при Радомѣ, и открылъ сообщеніе чрезъ Новомысто и Раву съ главною нашею арміею, находившеюся въ Ловичѣ; въ слѣдствіе сего сообщеніе отступившей подъ стѣны Варшавы главной арміи мятежниковъ съ Краковскимъ и Сандомирскимъ Воеводствами и Округомъ Краковскимъ было совершенно прервано, и провинціи сіи, составляя лучшую часть Царства Польскаго, не могли болѣе подкрѣплять революціи сформированными въ оныхъ вооруженіями и доставленіемъ военныхъ матеріаловъ. Въ особенности для мятежниковъ важно было прерваніе сообщенія съ Краковымъ, главнымъ депо всѣхъ ихъ военныхъ запасовъ.

7-го Августа, Ридигеръ истребилъ партизанскій отрядъ Гедройца въ лѣсахъ с. Войславиць, при чемъ Гедройць, 14 оберъ-офицеровъ и 170 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. 18-го Августа, по требованію Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, Ѳедоръ Васильевичъ отправилъ изъ состоявшихъ у него 18-ти баталіоновъ 8-мъ баталіоновъ къ Варшавѣ; баталіоны эти участвовали съ отличіемъ въ достопамятномъ штурмѣ и взятіи укрѣпленной столицы мятежниковъ; изъ 10-ти остальныхъ баталі-

оновъ, 3 занимали мостовое укрѣпленіе у Казимиржа, а 7 оставались на позиціи при Радомѣ, для поддержанія дѣйствій кавалерійскихъ отрядовъ.

29-го Августа, Генералъ Ружицкій, назначенный революціоннымъ правительствомъ командовать войсками въ Сандомирскомъ, Краковскомъ и Калишскомъ Воеводствахъ, занявъ съ отрядомъ до 8 т. Куновскіе Лѣса, сдѣлалъ покушеніе, внезапнымъ нападеніемъ на мостовое укрѣпленіе, овладѣть имъ и уничтожить мостъ. Узнавъ объ этомъ, Ридигеръ, двинувшись изъ Радома на Скорышевъ и Цѣпеловъ, не только принудилъ Ружицкаго отказаться отъ его намѣренія, но настигъ аріергардъ его у с. Хотезы, разбилъ опый и совершенно уничтожилъ: одинъ штабъ-офицеръ, 14 оберъ-офицеровъ и 521 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ; послѣ чего, преслѣдуя Ружицкаго, нанесъ ему новыя пораженія у м. Липско, гдѣ, въ кавалерійскихъ атакахъ, 6 офицеровъ и 120 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. 30-го Августа, непріятель, отступавшій въ совершенномъ безпорядкѣ въ Куновскіе Лѣса, вновь настигнуть у м. Грабовца; но, по случаю полученныхъ извѣстій о заключеніи въ

Варшавѣ перемирія, дальнѣйшее преслѣдова-
ніе прекращено.

Сентября 2-го, когда корпусъ Ромарино, не признавая заключеннаго въ Варшавѣ перемирія, бросился изъ Подляскаго Воеводства въ Люблинское, дабы перейти на лѣвый берегъ Вислы и утвердиться въ Южной Польшѣ, Генераль-Адъютантъ Ридигеръ, оставивъ отрядъ для обороны Радома и удержа-
нія сообщенія съ главною арміею, выступилъ изъ Радома съ 8-ю баталіонами и 20-ю эскадронами и потомъ, 3-го Сентября, послѣ битвы у м. Ополя Генерала Барона Розена съ Ромарино, слѣдуя вдоль Вислы параллельно отступленію послѣдняго, перешелъ къ м. Тарлову, постоянно препятствуя Ружицкому содѣйствовать къ устройству переправы для войскъ Ромарино.

8-го Сентября, послѣ вогнанія Генераломъ Барономъ Розеномъ корпуса Ромарино въ Галицію, Ридигеръ, получивъ въ подкрѣпленіе отъ 6-го Корпуса 4 баталіона, два эскадрона уланъ и часть казаковъ, устремился для преслѣдованія войскъ Ружицкаго, который, не успѣвъ соединиться съ Ромарино, началъ отступать къ р. Нидѣ.

10-го, авангардъ Ридигера настигнулъ Ружицкаго у м. Лагова, въ 6 часовъ пополудни, и, будучи поддержанъ главными силами корпуса, опрокинулъ мятежниковъ, причемъ два эскадрона и баталіонъ пѣхоты, бывшіе въ арьергардѣ противника, при отступленіи совершенно уничтожены; 4 офицера и до 300 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ.

Послѣ сего дѣла, Ружицкій, съ главными силами, отступилъ ночью къ Пинчову, а генералъ Каминскій, съ отрядомъ изъ 4 т. къ Стобницѣ. Для преслѣдованія ихъ, Ридигеръ двинулся тремя колоннами.

Сентября 11-го, лѣвая колонна, опрокинувъ Каминскаго у Стобницы, нанесла ему рѣшительное пораженіе подъ м. Скальмиржемъ. 12-го, весь отрядъ Каминскаго подвергся истребленію: 64 штабъ и оберъ офицера и до 3 т. нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ; самъ же Каминскій, съ нѣсколькими только офицерами, преслѣдуемый до границъ г. Кракова, спасся.

Средняя колонна, 12-го Сентября, настигла близъ м. Пинчова арьергардъ Ружицкаго, оставленный для воспрепятствованія переправѣ чрезъ рѣку Ниду, опрокинула его и ата-

ками кавалеріи разстѣла совершенно; 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,200 человекъ нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ.

Правая колонна, истребивъ, 9-го Сентября, непріятельскій отрядъ, въ м. Ванхоцкъ, 12-го опрокинула мятежниковъ, покушавшихся удержаться въ Кельцѣ и потомъ въ м. Эндрижівѣ, причемъ также взяты въ плѣнъ 10 оберъ-офицеровъ и 246 человекъ нижнихъ чиновъ. 13, генералъ Стріенскій, командовавший резервами польской кавалеріи, положилъ оружіе и сдался на великодушіе Государя Императора: 113 штабъ и оберъ-офицеровъ и до 2 т. нижнихъ чиновъ, въ слѣдствіе разрѣшенія Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго, отпущены на свободное жительство и потомъ получили полное отъ Государя Императора прощеніе. 15-го Сентября, послѣ пораженія Ружицкаго на рѣкѣ Нидѣ, Ридигеръ, преслѣдуя его, занялъ, вольный городъ Краковъ, чѣмъ принудилъ Ружицкаго съ остатками войскъ броситься въ Галицію, перейдя Вислу у с. Бобрикъ и частію въ самый Краковъ, и тамъ, сложивъ оружіе, сдаться военноплѣннымъ.

Послѣдствіемъ быстрого преслѣдованія Ружицкаго отъ Тарлова къ Кракову до вогнанія

въ Галицію было, что онъ, въ теченіе семи дней, не считая убитыхъ и разбѣжавшихся, потерялъ одними пѣвными 217 штабъ и оберъ-офицеровъ, 6,746 нижнихъ чиновъ и 17 орудій, въ числѣ коихъ 9 мѣдныхъ полевыхъ, а остальные вновь отлитыя чугуныя.

Сверхъ того, при занятіи г. Кракова сдались военнопѣвными генералы: Хлопицкій, Вейсенгофъ и Клицкій и до 300 штабъ и оберъ-офицеровъ, не желавшихъ войти въ Галицію; захвачены большіе склады оружія и аммуничныхъ вещей, заготовленные революціоннымъ правительствомъ для арміи, осеквестровано 754 тысячи польскихъ злотыхъ, принадлежавшихъ революціонному правительству и болѣе 4 милліоновъ злотыхъ суммъ, принадлежавшихъ разнымъ кредитнымъ установленіямъ Царства Польскаго.

Съ вогнаніемъ Ружицкаго въ Галицію, вся южная часть Царства Польскаго была очищена отъ мятежниковъ, а въ Сандомирскомъ и Краковскомъ Воеводствахъ восстановлено законное правительство, жители приведены къ присягѣ, содержавшіеся-же въ разныхъ мѣстахъ Краковскаго Воеводства, какъ-то: Мѣховъ, Стобницъ, Эндржіевъ и проч., русскіе военнопѣвные: 9 генераловъ, 300 штабъ и

оберъ-офицеровъ и до 10 т. нижнихъ чиновъ, освобождены и возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Быстрота, рѣшительность и необыкновенное искусство исполненія всѣхъ задуманныхъ предположеній, какъ мы уже сказали, ставятъ дѣйствія Ридигера на ряду съ лучшими подвигами другихъ прославленныхъ знаменитостей военной исторіи.—Общій почетъ и заслуженное уваженіе всей арміи были наградою Федора Васильевича; но онъ не ослѣпился своею славою, не думалъ успокоиться на лаврахъ, а предположилъ себѣ иную и едва-ли не высшую славу—попеченіями о солдатѣ и заботливостію о его совершенствованіи стяжать себѣ званіе *отца солдатъ*, или, какъ называли Румянцова въ день Кагульской Битвы, имя *прямаго солдата*.

III.

«Самые свѣжіе боевые лавры блекнутъ отъ продолжительнаго спокойствія мирнаго времени» таково убѣжденіе большинства людей военныхъ, вздыхающихъ по тревогамъ и лишениямъ кроваваго боя, гдѣ представляется столь обширный просторъ для проявленія самостоятельности характера, силы воли, находчивости, и, главное—возможности осуществить самый смѣлый планъ, не стѣняясь подробностями его исполненія... Громы и бури—такова стихія истинно военнаго челоуѣка; онъ отдыхаетъ среди опасностей, ему отраднo только въ битвахъ, когда, сокрушая все препятствія, вырываетъ онъ побѣду у искусства врага — и даже у самой судьбы, подчиняя ее своимъ велѣніямъ... Новѣйшая военная

исторія помнитъ Наполеона Великаго, который накапунѣ одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ сраженій, въ приказѣ по войскамъ, предсказалъ: какъ будутъ дѣйствовать противъ него союзники и какимъ образомъ онъ воспользуется ихъ ошибками; но въ исторіи же Наполеона Великаго найдемъ мы поучительный примѣръ, какъ опасно успокоиться на лаврахъ и принять случайную, хотя и часто повторяющуюся причину успѣха за постоянное средство для побѣды: въ 1812 году Наполеонъ сказалъ своимъ солдатамъ передъ вторженіемъ въ наше отечество: *«Россія увлекается рокомъ»*; а въ день сраженія при Ватерлоо онъ думалъ, *«что надъ нимъ восходитъ солнце Аустерлица»*. — Провидѣніе, въ обоихъ случаяхъ, дало свой отвѣтъ на эти слова и показало, какъ самый гений, остановившійся въ своемъ развитіи, можетъ ошибиться и какъ шатка человѣческая слава и величіе.

И между тѣмъ есть однако въ исторіи правило великаго народа, покоровшаго вселенную; изъ глубины своей могилы онъ говоритъ намъ: *«хочешь быть съ миръ — готовься къ войнѣ»*; а въ памяти признательнаго русскаго солдата сохранились преданія о ясномъ со-

коль (*) Минихъ; *прямою солдатъ* Румянцовъ; *батюшкѣ* Суворовъ и къ сонму ихъ приобщится, безъ сомнѣнія, имя достойнѣйшаго графа Осдора Васильевича Ридигера. Все они смотрѣли на занятія службою въ мирное время, какъ на лучшее средство для успѣха въ военное; съ неослабною энергією и неутомимымъ постоянствомъ слѣдили они за происходившими усовершенствованіями и, повѣряя ихъ своимъ боевымъ опытомъ, умѣли поддерживать въ своихъ подчиненныхъ увѣренность, что отчетливое, разумное, точное и соответливое исполненіе обязанностей, налагаемыхъ трудною службою мирнаго времени, есть лучшая школа для образованія солдата и офицера, и что человекъ военный, будучи заблаговременно готовъ на все случайности, съ увѣренностію идетъ на встрѣчу противнику, неся въ груди убѣжденіе, основанное на знаніи дѣла (**).

(*) Слова напечатанныя курсивомъ—суть прозвища, данныя солдатомъ своимъ любимымъ отцамъ-командирамъ.

(**) Истина эта оправдана вѣками: по словамъ Вегетія, «только необыкновенное искусство владѣть оружіемъ, точность, дисциплина и долгія упражненія въ военномъ дѣлѣ были причиною того, что Римляне содѣлались владыками вселенной: ибо они уступали Галламъ—въ числительности, Германцамъ—въ величій роста, Испан-

Суворовъ, —этотъ великій учитель русскаго солдата въ мирное и военное время, говаривалъ: «Солдатъ любить ученье — было бы съ толкомъ; за ученаго трехъ неученыхъ даютъ; —намъ мало трехъ — давай намъ шесть; давай десять на одного — всѣхъ побьемъ, по-валимъ и въ полонъ возьмемъ».

Двадцатилѣтнее командованіе графа Ридигера 3-мъ Пѣхотнымъ Корпусомъ, не смотря на то, что Федоръ Васильевичъ не былъ лицомъ вполне самостоятельнымъ, ибо командовалъ однимъ изъ корпусовъ Дѣйствующей Арміи, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того: какъ убѣжденіе начальника въ важности даже мельчайшихъ служебныхъ обязанностей въ мирное время сообщается войскамъ и развиваетъ въ нихъ любовь къ своимъ занятіямъ и чувство собственнаго досто-

цая — въ физической силѣ, Африканцамъ — въ хитрости и богатствѣ, Грекамъ въ учености; но лучше всѣхъ ихъ они знали, какъ выбрать солдата, объяснить ему начала военнаго дѣла, укрѣпить его тѣло ежедневными упражненіями, предвидѣть все случайности, могущія встрѣтиться въ сраженіяхъ, на маршѣ при расположеніи лагерей — все эти знанія возвышали природное мужество Римлянина, ибо *обыкновенно не боятся дѣлать то, что умѣютъ дѣлать хорошо.*

инства; прибавьте къ этому никогда и ничѣмъ невозмутимое спокойствіе и строгую важность ихъ начальника, и тогда невольно могутъ придти на мысль слова, сказанныя о характерѣ обученія древнихъ войскъ: *Ихъ маневры были сраженіями, но безъ пролитія крови; а сраженія — маневрами, гдѣ только встрѣчались убитые и раненые.*»

Всѣ выдавшіе войска 3-го Пѣхотнаго Корпуса на смотрахъ—въ 1835 году—въ Калишѣ, въ 1837 году—подъ Кіевомъ, въ 1840 году—подъ Гомелемъ, въ 1845, 1846 и 1847 годахъ—подъ Варшавою, приходили въ восторгъ отъ спокойствія, увѣренности и знанія, съ какими они производили всѣ движенія и маневры, и какъ, при подобномъ обученіи дѣйствовать массама, обращено было вниманіе на одиночное образованіе солдата и развитіе въ немъ ловкости и смѣтливости: быстрота и бойкость фланкерскихъ дивизіоновъ 3-й легкой кавалерійской дивизіи, 17-го Августа 1835 года, подъ Калишемъ, обратила на себя вниманіе присутствовавшихъ тамъ австрійскихъ и прусскихъ офицеровъ; учебныя стрѣлковая, штурмовая и гимнастическая команды, приобученіе войска къ

форсированнымъ маршамъ (*); примѣрные штурмы укрѣпленія Кіево-Печерской цитадели, которыми обыкновенно окончивались воскресные разводы въ Кіевѣ — принесли свои благотворные плоды впоследствии... Стройныя, рѣшительныя, и можно сказать, классическія дѣйствія 3-го Пѣхотнаго Корпуса въ Венгерскую Войну, подъ личнымъ начальствомъ графа Ридигера; а потомъ подвиги, совершенные его полками въ 1854 и 1855 годахъ на Дунаѣ и подъ Севастополемъ, показали, какъ запомнили подчиненные графа Ридигера его уроки и явили себя достойными его попеченій.— Не умереть въ народной памяти имя генерала, подъ начальствомъ котораго въ теченіе 20-ти лѣтъ воспитались Могилевцы, Смоленцы, Полоцкіе и Витебскіе егеря, съ такою изумительною рѣшимостью совершившіе 11-го Марта 1854 года, среди бѣлаго дня, переправу черезъ Дунай и потомъ овладѣвшіе турецкими ретраншамен-тами; Забалканцы—столь грозные подъ Силистрію и Севастополемъ, и наконецъ Сѣвцы, съ именемъ которыхъ связано воспоминаніе

(*) Въ 1846 вою Гусарскій Е. В. Короля Нидерландскаго Полкъ совершилъ въ 30 часовъ 120 верстъ и явился на Высочайшій смотръ въ превосходномъ видѣ.

о безсмертномъ отбитіи штурма на твердыни нашего многострадальнаго Севастополя—Свѣцы, подвигъ которыхъ былъ предметомъ удивленія даже для тѣхъ, кому удивлялись Россія и цѣлый свѣтъ — для нашей мужественной Крымской Арміи.—Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ бывшіе подчиненные графа Ридигера своею и вражескою кровью записали справедливость великаго правила Суворова—«*Русскій солдатъ любитъ ученье — было бы съ толкомъ*».

Но кто же изъ начальствующихъ не считаетъ священнѣйшею обязанностію заботиться о служебномъ образованіи своихъ подчиненныхъ?.... Посмотримъ однако, въ чемъ различествовалъ взглядъ графа Ридигера на сущность изученія военнаго дѣла.

Здѣсь да позволятъ намъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Военная исторія представляетъ примѣры, которые, съ перваго раза, какъ будто говорятъ, что изученіе войсками въ мирное время даже самаго совершеннѣйшаго устава не ведетъ къ успѣху, и напротивъ часто достаточно одного какого-либо новаго улучшенія въ огнестрѣльномъ оружіи или усовершенствованія въ предварительномъ образованіи войскъ,

чтобы самыя лучшія арміи испытывали постоянныя неудачи во время дѣйствительной войны.—И въ самомъ дѣлѣ, не привелось-ли генераламъ Густава Адольфа пережить славу, купленную усилиями ихъ гевіяльнаго короля-полководца, а прусской арміи, въ 1806 году, испытать полную неудачу именно потому, что ея предводители съ буквальною точностію хотѣли дѣйствовать противъ Наполеона Великаго, какъ Фридрихъ въ Семилѣтнюю Войну дѣйствовалъ противъ бездарнаго и методическаго Дауна; наконецъ, самъ Наполеонъ и его маршалы были пять разъ разбиты наголову въ 1813 году, потому что, не смотря на измѣнившіяся обстоятельства, хотѣли повторить въ Германіи знаменитые маневры Бонапарта въ 1796 году.... Остановимся на этихъ примѣрахъ и скажемъ, что они лучше всего говорятъ о необходимости слѣдить за развитіемъ военнаго дѣла и вести войска путемъ усовершенствованій къ основательному исполненію своихъ обязанностей. Уставъ, даже представивъ себѣ уставъ самый совершенный, всегда требуетъ обновленія и разумнаго истолкованія. Правительство дѣлаетъ свое, обновляя уставъ а сообщая въ немъ данныя науки, выработившіяся совершенно окончательно въ извѣст-

ное время — на долю начальниковъ выпадеть завидный жребій примѣнять правила устава къ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла, и, время отъ времени, вносить въ эти правила полезныя усовершенствованія. Но такое дѣло требуетъ неутомимаго труда и настойчивыхъ усилій: между тѣмъ нѣтъ ничего легче, какъ разъ узнавъ самый сложный уставъ— наблюдать со всею педантическою точностію за исполненіемъ его правилъ, и при неудачахъ военныхъ говорить: *вотъ чему насъ учили; вотъ на что тратили мы свое драгоценное время.*

Будемъ справедливы, и въ благоговѣйной признательности къ памяти графа Федора Васильевича повторимъ слова его: «это отговорка людей бездарныхъ и неспособныхъ; — умъ и знаніе лучше всего укажутъ, какъ должно смотрѣть на уставъ, а добрая воля и любовь къ службѣ дадутъ средство исправить даже самые недостатки, не дѣлая шума». И дѣйствительно, покойный графъ, не любившій вообще многорѣчія, былъ врагомъ всякихъ словесныхъ оужденій существовавшихъ уставовъ и постановленій: «если это дурно, такъ что же мѣшаетъ каждому исправить и молчать; а то шумятъ и думаютъ, что дѣлаютъ

дѣло». Руководствуясь такими правилами, Федоръ Васильевичъ былъ ревностнымъ, но прибавимъ, *разумнымъ* исполнителемъ всего, что относилось до обученія вѣйска: онъ требовалъ отъ подчиненныхъ совершеннаго знанія устава и отнюдь не позволялъ имъ отговариваться и ссылаться на его недостатки, когда мелочное исполненіе правилъ устава, непримѣненное къ обстоятельствамъ, вовлекало въ ошибки. — «У меня нужно дѣло, а не отговорки и утопіи», говаривалъ онъ; «уставъ данъ для солдата, а начальнику нужно, кромѣ устава, еще знаніе, умъ и характеръ».

Такой примирительный взглядъ сохранилъ графъ Ридигеръ до той минуты, пока Монаршее довѣріе поставило его на высшій постъ и позволило ему открыто выразить свои мысли о необходимѣйшихъ улучшеніяхъ; тогда Ридигеръ явился осторожнымъ, но и рѣшительнымъ преобразователемъ; до тѣхъ же поръ онъ былъ только исполнителемъ, — но такимъ, какимъ были Суворовъ, Прозоровскій и Репницъ, подъ начальствомъ Румянцева. Всѣ эти достойнѣйшіе вожди были проникнуты великою истинною, что оужденіе устарѣвшихъ или даже ошибочныхъ уставовъ ведетъ къ двойному злу: оно колеблетъ довѣріе къ мѣ-

рамъ и правительственнымъ и уничтожаетъ дисциплину, безъ которой невозможно никакое усовершенствованіе.

Обратимся къ служебнымъ занятіямъ Федора Васильевича до Венгерской Войны.

Мы уже сказали о превосходномъ состояніи войскъ 3-го Пѣхотнаго Корпуса; упомянемъ теперь, что на обученіе массъ покойный графъ обращалъ особенное вниманіе; этому необыкновенно помогали боевые порядки, дававшіе возможность однимъ словомъ команды опредѣлить мѣсто и видъ строя 16-ти баталіонамъ или 32-ти эскадронамъ. Ридигеръ вполне постигъ, сколько выгодъ и разнообразнаго примѣненія давали столь простыя формы для введенія войскъ въ дѣло и дѣйствія ими въ бою. Разговаривая впоследствии съ Федоромъ Васильевичемъ объ этомъ предметѣ, мы не одинъ разъ слышали его сужденія: «Жалуются», говорилъ онъ, «что боевые порядки своею симметриею стѣсняють начальника; но ктожъ будетъ требовать симметріи, если сама мѣстность и обстоятельства указываютъ на полезныя отступленія; а, съ другой стороны, есть-ли возможность предварительно обучить войска и познакомить ихъ съ надлежащимъ понятіемъ о механизмѣ по-

строній безъ надлежащей правильности въ движеніяхъ? — При этомъ графъ вспоминалъ въ Бозѣ почившаго Государя Николая Павловича, Который, съ неподражаемымъ искусствомъ, маневрировалъ огромными массами пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; скромность запрещала графу Ридигеру указать на самаго себя; но стоитъ вспомнить маневрированіе дивизіи 3-го Корпуса подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Панютина, въ 1849 году, въ бою при Передѣ, и неподражаемое искусство, выказанное самимъ Федоромъ Васильевичемъ во время маневровъ Гвардейскаго Корпуса въ 1851, 1852 и 1853 годахъ, дабы убѣдиться, что боевые порядки не только не стѣсняють воинскаго вдохновенія начальника, но даютъ ему неисчислимыя средства слѣдить за главнымъ ходомъ боя, не отвлекаясь его мелочными подробностями, и, главное, позволяютъ главнокомандующему во всякую минуту сраженія знать, *гдѣ и въ какомъ стропъ находится каждая часть въпренныхъ ему войскъ.*

Двадцатилѣтняя служба графа Федора Васильевича въ Дѣйствующей Арміи была закончена событіемъ, увѣковѣчившимъ имя Ридигера въ русской военной исторіи: 1-го Августа 1849 года передъ нимъ положилъ

оружіе Диктаторъ Венгріи Георги съ 30 т. своего отборнаго войска. Событіе это, положившее достославный и рѣшительный конецъ войнѣ, было подготовлено слѣдующими обстоятельствами.

Ридигеръ встрѣтился впервые съ Георги у Вайцена, гдѣ 4-го Іюля войска 3-го Корпуса, совершивъ въ самый убійственный жаръ переходъ въ 42 версты, явились на выручку нашего авангарда. — 3-го Іюля произведена рѣшительная атака на Вайценъ: непріятель былъ отброшенъ на Шендегели и Ридигеръ двинулся къ Вадкерту, съ тѣмъ, чтобы напирать на Георгея съ тылу, въ то время когда Граббе, Чеодаевъ и войска 2-го Корпуса стануть на пути движенія Венгерцевъ къ Дебречину. — Быстрое преслѣдованіе непріятеля до Вадкерта заставило Георги бросить все обозы и большую часть артиллеріи и спѣшить за Тейсу.... Не смотря на поражение боковыхъ отрядовъ венгерской арміи у Тисса-Фюреда и Дебречина, Георги достигъ Арада, но здѣсь узналъ онъ объ успѣхахъ большой австрійской арміи и корпусовъ Генераль-Адъютанта Лидерса и Генерала Гротенгельма. Все это побудило Георги безусловно положить оружіе, при чемъ онъ желалъ сдаться только

Командиру 3-го Пѣхотнаго Корпуса Русской Арміи, котораго дѣйствія внушили ему безпредѣльное удивленіе.—1-го Августа, Георги выдвинулся къ селенію Вилагопшъ; здѣсь встрѣтилъ онъ построенныя въ боевой порядокъ войска 3-го Пѣхотнаго Корпуса. Отдавъ строевой рапортъ начальнику русскихъ войскъ, Георги приблизился къ мужественнымъ рядамъ ихъ и воскликнулъ: *«Чего нельзя предпринять и исполнить съ такими войсками?»*—прибавимъ *«подъ начальствомъ такого предводителя, какъ Ридигеръ»*.

30 тысячъ войска, съ 11-ю генералами, сложившаго оружіе, 144 орудія, 34 знамени, 31 штандартъ, 24 т. ружей, 7 тысячъ карабиновъ—таковъ былъ послѣдній побѣдный трофей Федора Васильевича. — 5-го Августа сдалась ему же крѣпость Арадъ съ 4 т. гарнизона при 143 орудіяхъ. — Этимъ завершилось боевое сорока-двухъ-лѣтнее поприще Ридигера... Какая награда могла сравниться съ вѣчною извѣстностію этого событія, столь славнаго для русскаго оружія?

Скажемъ однако, что графъ Ридигеръ не любилъ останавливаться надъ подробностями этихъ знаменитыхъ дѣйствій, и не любилъ именно потому, что онѣ припоминали ему

другія грустныя подробности о томъ, какъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, пала передъ неумолимымъ и беспощаднымъ правосудіемъ большая часть венгерскихъ вождей, полныхъ молодости, силы и надеждъ на будущее. Кто и въ этой чертѣ не узнаетъ родственнаго сходства Федора Васильевича съ тѣми истинными героями, которые, будучи во всегдашней готовности проливать кровь свою за собратій, знали цѣну человѣческой крови и великодушно щадили побѣжденнаго врага!..

Разстроенное здоровье и душевныя скорби побудили графа Ридигера просить, въ 1850 году, объ увольненіи отъ командованія корпусомъ, съ которымъ стяжалъ онъ столько славы. На вespодданнѣйшую просьбу эту послѣдовало Высочайшее соизволеніе, выраженное въ слѣдующемъ рескриптѣ: «Графъ Федоръ Васильевичъ! Съ искреннимъ сожалѣніемъ соглашаясь на увольненіе васъ отъ занимаемой должности, Я не могу не обратить справедливаго вниманія на отлично-полезные труды ваши, въ теченіе двадцатилѣтняго командованія 3 Пѣхотнымъ Корпусомъ. — Войска сего корпуса доведены неусыпною вашею заботливостію до примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ устройства и во время послѣд-

ней Венгерской Войны ознаменовали себя, подъ личнымъ вашимъ предводительствомъ, блистательными подвигами. — Во изъявленіе особеннаго Моего къ вамъ благоволенія, Я назначилъ васъ Членомъ Государственнаго Совѣта, оставаясь въ полной увѣренности, что и на этомъ новомъ поприщѣ вы явите ту же полезную дѣятельность, которою постоянно отличалось долговременное и ревностное служеніе ваше Престолу и Отечеству.»

Время отдыха съ 25-го Августа 1850 года по 21-е Февраля 1854 г. неостановило дѣятельности Графа Ридигера на пользу отечества; принимая живѣйшее участіе въ дѣлахъ, возлагаемыхъ на него по должности, Федоръ Васильевичъ былъ въ то же время предсѣдателемъ въ нѣсколькихъ комитетахъ; кромѣ того, въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ начальствовалъ одною изъ сторонъ при большихъ маневрахъ Гвардейскаго Корпуса, удивляя всѣхъ своимъ искусствомъ, непостижимымъ спокойствіемъ и находчивостію; а въ 1852 году, во время отсутствія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя, за границу, временно командовалъ Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами и здѣсь усилъ

ближе познакомиться съ этими отборными войсками, съ которыми суждено ему было впоследствии осуществить благодѣтельныя преобразованія, совершившіяся въ послѣднее время для пользы и преуспѣванія русскаго войска.

Непродолжительно было удаленіе графа Ридигера отъ непосредственнаго начальствованія войсками; самъ онъ жаждалъ дѣятельности. — Начиналась грозная война: отечество призывало на защиту вѣрныхъ сыновъ своихъ, и на его голосъ, однимъ изъ первыхъ, откликнулся сподвижникъ Кульнева, Витгенштейна, Дибича и Паскевича: въ 1854 году Ѳедоръ Васильевичъ, на время отсутствія изъ Царства Польскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, назначенъ Командующимъ войсками, расположенными въ районѣ Дѣйствующей Арміи, и исправляющимъ должность Намѣстника Царства Польскаго.

Но не здѣсь суждено было угаснуть въ борьбѣ съ трудностями и препятствіями этой загородной жизни: Графу Ридигеру открывалось еще болѣе обширное и самостоятельное поприще. 19-го Февраля 1855 года, Высочайшимъ приказомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ назначенъ Главно-

командующимъ Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами, стоявшими тогда на стражѣ столицы и ея окрестностей отъ покушенія непріятеля.

До сихъ поръ мы знали Ридигера по его военной извѣстности—отеческое, и просвѣщенное начальствованіе гвардіею и гренадерами стяжало ему новое право на признательность Россіи и Русской Арміи. Здѣсь мы приведемъ подлинныя слова маститаго вождя: — голосъ его будетъ говорить намъ уже изъ-за могилы, но отъ него радостно забьется русское сердце, ибо здѣсь говорится о совершенствованіи чудеснаго русскаго солдата.

Приказы графа Ридигера носятъ на себѣ печать истины, убѣжденія и какого-то торжественнаго безпристрастія: ихъ краснорѣчіе проистекаетъ не изъ словъ, но изъ чувства, которыми они преисполнены. Въ нихъ, какъ мы уже сказали, слышимъ человека, какъ бы отрешеннаго отъ земныхъ увлеченій и личныя привязанностей. Приведемъ, съ нѣкоторою послѣдовательностію служебныя сношенія графа Федора Васильевича съ его новыми подчиненными.

Вотъ приказъ по случаю вступленія въ ко-

мандованіе Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами.

«Высочайшимъ приказомъ, въ 19-й день сего Февраля, я осчастливленъ Всемилостивѣйшимъ назначеніемъ меня Главнокомандующимъ Гвардейскими и Гренадерскимъ Корпусами.

«Не нахожу словъ выразить, сколь велика милость, оказанная мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ, и съ какимъ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ приѣмлю я сію Монаршую награду.

«Войска Гвардіи и Гренадеръ! Вами начальствовалъ Самъ Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ,—Его Величеству извѣстно уже ваше усердіе! Мнѣ остается только надѣяться, что, ставъ въ ряды ваши, вы можете мнѣ оправдать лестное ко мнѣ довѣріе Государя и сдѣлаться достойнымъ Монаршаго призванія.

Первою заботою Федора Васильевича по приятіи начальства надъ ввѣренными ему частями—было обращено на содержаніе и сбереженіе солдата, по военному правилу Фридриха II: *кто хочетъ себя строить храмъ*

славы— пусть не забудетъ, что краеугольнымъ камнемъ его долженъ быть желудокъ солдата. Мысли объ этомъ графа Ридигера и совѣты его отличаются необыкновенною опытностію и совершеннымъ знаніемъ солдатскаго быта.

«Озабочиваясь постоянно», писалъ графъ Ридигеръ 28-го Февраля, «чтобы во всѣхъ войскахъ, состоящихъ подъ моимъ начальствомъ, при Всемилостивѣйше дарованныхъ имъ, по ходатайству моему, одинаковыхъ средствахъ къ продовольствію нижнихъ чиновъ, была приготовляема пища вкусная, сытная и въ достаточномъ всегда количествѣ, во всѣхъ безъ различія частяхъ,—я убѣдился, что въ запасныхъ дивизіяхъ: Гренадерскаго, 1-го и 2-го Пѣхотныхъ Корпусовъ, войска которыхъ, будучи разединены, въ квартирномъ расположеніи, на весьма значительномъ пространствѣ, оказывается недостатокъ въ распоряженіяхъ по сей части и необходимость принять мѣры къ лучшему довольствію людей.

«Чтобы не затруднять эти войска изысканіемъ средствъ къ устраненію замѣченныхъ неудобствъ въ продовольствіи людей, которыя все-таки могутъ быть придуманы различно,— я нахожусь въ необходимости предписать имъ принять къ должному и непрременному

впредь руководству, прилагаемое у сего Наставленіе о продовольствіи нижнихъ чиновъ, при разъединенномъ расположеніи частей на большемъ пространствѣ, съ тѣмъ, чтобы вся провизія закупалась, подъ личнымъ наблюдениемъ Ротныхъ Командировъ, фельдфебелями, каптенармусами, артельщиками 4-хъ отдѣленій и нѣсколькими на сей случай назначенными нижними чинами (*).»

(*)» Наставленіе о продовольствіи нижнихъ чиновъ, при разъединенномъ расположеніи частей на большемъ пространствѣ.

Въ зимнее время, когда въ деревняхъ можно поставить на квартирѣ только 2-хъ и весьма рѣдко 3-хъ человекъ, безъ стѣсненія жителей и вреднаго вліянія на здоровье нижнихъ чиновъ, — каждая рота занимаетъ большое пространство и нѣкоторые десетки помѣщены нерѣдко до 8-ми верстъ разстоянія отъ ротнаго двора.

При такомъ размѣщеніи, ежедневный сборъ людей на ротный дворъ, для обѣда и ужина, не возможенъ. Почему предписывается принять правиломъ, чтобы, при подобномъ квартирваніи, пища приготовлялась въ ротахъ не въ одномъ общемъ котлѣ, но въ небольшихъ котлахъ, отдѣльно въ каждой деревнѣ, занимаемой ротою.

Пищу готовить непременно горячую, т. е. щи или супъ картофельный или гороховой, и крутую кашу съ масломъ, которую готовить пять разъ въ недѣлю, кромѣ Понедѣльника и Субботы.

На каждаго человека опредѣлить $\frac{1}{2}$ фунта говядины въ день, а прочіе съѣстные продукты, какъ-то: капусту, горохъ, картофель, крупу, муку, лукъ, соль и проч.

Въ другомъ мѣстѣ Федоръ Васильевичъ говоритъ о томъ же слѣдующее:

«Попечение о здоовѣ солдата и о приготовленіи для него сытной пищи есть одна изъ самыхъ святыхъ обязанностей Полковаго

власть въ котель, для улучшенной и вполне питательной варки по раскладкѣ, которую составить съ утверждѣнія Гг. Начальниковъ дивизій, и передать для руководства во всѣ полки.

Раскладки эти имѣть на каждой кухнѣ. Они должны во всѣхъ полкахъ быть совершенно одинаковы и передаваться въ роты за подписью Полковыхъ Командировъ,—а на каждую отдѣльную кухню—за скрѣпною Ротныхъ Командировъ и объявлены для извѣстности всѣмъ нижнимъ чинамъ роты.

Для приготовленія въ назначенные пять дней, каши, употреблять на 80 человекъ въ котель одинъ четверикъ крупъ гречневыхъ или ячневыхъ, какая изъ провіантскихъ магазиновъ отпускаема будетъ.

Вся провізія закупается подъ личнымъ наблюденіемъ Ротныхъ Командировъ и сберегается на ротныхъ дворахъ, отпускъ же на отдѣльныя кухни производится два раза въ недѣлю.

Закупка провізіи на мѣстахъ отдѣльныхъ варокъ строжайше запрещается, почему завѣдывающіе кухнями экономы никакихъ денегъ не расходуютъ, а всю необходимую провізію принимаютъ вѣсомъ и мѣрою, по числу людей съ ротныхъ дворовъ.

Съѣстные припасы кладутся въ котель, по имѣющимся на кухняхъ раскладкамъ, подъ наблюденіемъ отдѣльнаго унтеръ-офицера, дневальнаго, и нарочно наряжаемыхъ ежедневно на кухни людей надежнаго поведенія.

Командира; этотъ предметъ лежитъ на прямой отвѣтственности его, а тѣмъ ближе—Баталіоннаго Командира. Всякое перадрѣніе по этой части считаю преступленіемъ, не допуская и возможности умысла въ подобнаго рода упущеніяхъ, особенно въ нынѣшнее время, когда Правительство обращаетъ на этотъ предметъ столь заботливое вниманіе и когда употребляемые для сего всѣ средства и усилія привели вездѣ къ столь удовлетворительному результату.»

Объявляя войскамъ объ отпускѣ имъ приварочныхъ денегъ на все время войны, графъ Ридигеръ прибавляетъ:

«Надѣюсь, что Монаршая милость сія послужитъ имъ новымъ доказательствомъ Отеческаго попеченія Всемилостивѣйшаго Государя Императора, къ улучшенію быта нижнихъ чиновъ и сбереженію здоровья ихъ, для службы Его Величества.

«Будучи увѣренъ, что Гг. Начальники войскъ, одушевленные благороднымъ стремленіемъ исполнить священный долгъ свой, сочувствуя вполнѣ неограниченной заботливости Государя Императора, и съ благоговѣніемъ оцѣняя высокое намѣреніе Его Величества, ревностно потщатся обратить вниманіе на то,

чтобы все определенное на продовольствіе нижнихъ чиновъ было употребляемо исключительно на сей важный предметъ, и такимъ образомъ исполнивъ главѣйшую изъ обязанностей ихъ «сбереженіе здоровья людей», — докажутъ на самомъ дѣлѣ, что при значительно увеличиваемыхъ нынѣ средствахъ къ продовольствію нижнихъ чиновъ и постоянной заботливости объ улучшеніи нищи ихъ, будутъ устранены всѣ вліянія на здоровье людей.»

Взглядъ покойнаго Главнокомандующаго, на обязанности начальника въ военное время и исполненіе каждымъ своего долга, отличался возвышенностію и благородствомъ въ высокой степени. Будучи самъ убѣжденъ въ святости призванія военнаго человѣка, графъ Ридигеръ дѣйствовалъ на душу и сердце своихъ подчиненныхъ. Противу непріятеля онъ прежде всего требовалъ въ начальникѣ спокойствія и разсудительности, а въ солдатѣ смѣливости и искусства. Припомнимъ, что съ весны 1855 сильный союзный флотъ появился у Кронштадта, а отдѣльныя непріятельскія партіи разсѣялись на всемъ Балтійскомъ прибрежьи, для грабежа и разоренія мирныхъ селеній. Не смотря на всю достаточность средствъ для защиты края, войска легко могли

быть утомлены непрерывными тревогами, если бы во главѣ ихъ не стоялъ графъ Ридигеръ; приказъ его отъ 24-го Мая замѣчательнъ въ военномъ отношеніи и для будущихъ генераловъ.

«При могущихъ произойти дѣйствіяхъ, въ особенности противъ непріятеля, который имѣетъ средства быстро переноситься съ одного пункта на другой, я считаю долгомъ обратить вниманіе всѣхъ Гг. Начальниковъ преимущественно на то, чтобы дѣйствовать какъ можно спокойнѣе.

«Похвальны бдительность, дѣятельность, быстрота.—Но торопливость—врагъ имъ.— Она тревожитъ жителей безъ нужды, утомляетъ войска безъ пользы,—полуразстроенными приводитъ ихъ на мѣсто и готовитъ на жертву непріятелю, можетъ быть слабѣйшему, но болѣе спокойному и стройному.— Это убѣжденіе долголѣтней моей военной опытности.

«А потому, при извѣстіяхъ о наступленіи непріятеля, каждому изъ Гг. Начальниковъ вмѣняю въ обязанность, стараться хладнокровно обсудить положеніе противника своего, возможную для него цѣль, средства его къ выполненію этой цѣли, мѣстныя обстоятель-

ства; обсудить свое собственное назначеніе, рассчитать время, разстояніе и рѣшиться на быстрыя передвиженія войскъ не иначе, какъ когда подобный расчетъ укажетъ неизбѣжную того необходимость, очевидную пользу и своевременность.

«Если гдѣ нужна бываетъ постоянно быстрота въ движеніи, то это только развѣ при передачѣ по кордонамъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля.—Потому-то, чтобы не утомлять по напрасну войска, на кордонахъ выставленныя, и сохранить ихъ для случаевъ дѣйствительной надобности,—я считаю необходимымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы по кордонамъ не передавались съ различныхъ постовъ свѣдѣнія совершенно одинаковаго содержанія, и при томъ такія, которыя съ полною обстоятельностью и скорѣе получаются чрезъ телеграфическія линіи...»

Вполнѣ понимая, до какой степени необходима, въ настоящее время, въ солдатѣ смѣтливость, расторопность и въ особенности умѣнье стрѣлять мѣтко, Главнокомандующій выражаетъ по этому случаю слѣдующія убѣжденія:

«Полезнымъ считаю напомнить, что при нынѣшнемъ образѣ войны, стрѣлки играютъ

самую важную роль и что однимъ стрѣлковымъ боемъ рѣшались иногда сраженія. Хорошій стрѣлокъ не только долженъ умѣть стрѣлять, владѣть оружіемъ, примѣняться къ мѣстности и быть въ полной мѣрѣ ловкимъ и расторопнымъ солдатомъ; онъ долженъ, болѣе того, понимать бой, т. е. внимательно слѣдить за ходомъ сраженія, смыслить, когда онъ долженъ стрѣлять противу непріятельскихъ стрѣлковъ, когда противу колоннъ или батарей, распознавать непріятельскихъ офицеровъ и начальниковъ, и умѣть находиться въ минуту опасности, не ожидая всегда указаній своего офицера или унтеръ-офицера; выбитіе начальника не должно произвести ни малѣйшаго замѣшательства въ дѣйствіяхъ цѣпи.

Я вполне увѣренъ, что Гг. Командиры и Офицеры стрѣлковыхъ ротъ, вникая болѣе и болѣе въ требованія цынѣшной войны, примутъ все мѣры, чтобы ввѣренныя имъ части состояли изъ ловкихъ, расторопныхъ стрѣлковъ. Мое будетъ дѣло оцѣнить, на смотрахъ, ихъ усилія. —Весною малые маневры должны послужить къ боевому развитію сихъ людей, а нынѣ стрѣльба, гимнастика и фехтованіе, развивая необходимыя въ ихъ способ-

ности, должны приготовить къ дальнѣйшему ихъ образованію.»

Но перечислить всѣ замѣчательныя распоряженія Графа Ѳедора Васильевича значитъ перепечатать всѣ его приказы; каждый изъ нихъ имѣетъ высокую наставительность и заключаетъ положительныя правила для руководства даже опытнаго начальника; въ числѣ ихъ обратимъ вниманіе на приказъ о дисциплинѣ (17-го Іюля 1855 года), слова котораго: *Видѣть въ офицерѣ неуваженіе къ своему долгу, до того мнѣ непріятно, что я считаю прискорбіемъ для себя прибѣгать къ мѣрамъ взысканія за подобныя поступки* — должны быть записаны неизгладимыми буквами въ исторіи, служа доказательствомъ того, какъ велики и свѣтлы были понятія Графа Ридигера о призваніи русскаго офицера.

Кромѣ неуспѣшныхъ занятій по управленію войсками, Графъ Ридигеръ съ 1855 принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной для улучшеній по части военной, и, по собственному желанію, самъ былъ предсѣдателемъ кавалерійскаго отдѣленія и другихъ комитетовъ, гдѣ давалъ направленіе всѣмъ занятіямъ, лично присутствуя при чтеніи кавалерійскаго устава и

утверждая его отѣлы. Не мѣсто здѣсь говорить, что было сдѣлано по указаніямъ Графа Ридигера въ самое короткое время; мы не можемъ умолчать только о томъ, чему были часто, по нѣскольку разъ въ день, свидѣтелями. Чувствуя, что дни его изъисчтены и желая сдѣлать все полезное для своей родины и Русской Арміи, Федоръ Васильевичъ преодолевалъ свои тяжкія страданія, занимаясь дѣлами съ напряженнымъ постоянствомъ и только иногда невольное стечаніе показывало, что сила духа не могла побороть жестокихъ мученій тѣлесной боли.... Помню зрѣлище, которое и до самой смерти сохранию въ своей памяти: 6-го Мая, послѣ четырехъ часоваго засѣданія Комитета объ учрежденіи юнкерскихъ школъ, я вошелъ въ кабинетъ испросить послѣднія приказанія Графа Ридигера.... Онъ не могъ произнести слова и тяжело стоналъ; крупныя капли пота катились по его лицу; но собравъ послѣднія силы, Федоръ Васильевичъ пытался улыбнуться и перерывающимся голосомъ сказалъ: «Заготовьте журналъ засѣданія—не теряйте времени,» и дѣйствительно на другой день въ 9 часовъ утра, онъ потребовааъ меня къ себѣ, выслушалъ и подписалъ всѣ бумаги о распредѣленіи ра-

ботъ между членами Комитета, и отдалъ новыя приказанія... Видя всю великость этой борьбы между жизнью и смертію, я невольно повторялъ слова, начавшія собою эти воспоминанія: *«Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.»*

Наступила весна. Медики совѣтовали графу ѣхать за границу; долго онъ упорствовалъ и, рѣшившись на отъѣздъ, простился съ начальствуемыми имъ войсками приказомъ, въ которомъ какъ бы далъ отчетъ во всемъ, что сдѣлано имъ въ продолженіи 14-ти мѣсячнаго командованія гвардіею и гренадерами.

«Отъѣзжая временно за границу для поправленія здоровья, я съ душевнымъ сожалѣніемъ расстаюсь съ войсками, которыя Высочайшею волею были мнѣ ввѣрены.

«Утѣшаю себя надеждою, что отсутствіе мое будетъ непродолжительно. Тѣмъ не менѣе считаю обязанностію гласно выразить тѣ правила, которыми я руководствовался въ управленіи, и просить всѣхъ Гг. Начальниковъ неуклонно слѣдовать имъ и въ мое отсутствіе; ибо для успѣха въ каждомъ дѣлѣ нужно постоянство усилій и всего вреднѣе частая перемѣна требованій.

«Постоянное и особенное вниманіе мое въ продолженіе всего времени командованія, обращено было на одиночное образованіе солдатъ, въ той степени, въ какой нынѣшній образъ войны этого требуетъ. Видя невозможность достигнуть цѣли этой съ помощію прежней системы обученія, я испросилъ соизволеніе Государя Императора ввести, сверхъ маршировки и ружейныхъ пріемовъ, — въ пѣхотѣ гимнастику и фехтованіе, въ кавалеріи наѣздничество и вольтижированіе. — Упражненія сіи, равно какъ и стрѣльба въ цѣль, заняли большую часть времени, употреблявшагося прежде исключительно для одиночной выправки, маршировки и манежной ѣзды. Мнѣ было извѣстно, что въ началѣ многіе сомнѣвались въ успѣхѣ нововведеній; многимъ казалось, что все это повредитъ стройности сомкнутаго фронта. — Опытъ показалъ противное: гимнастика и фехтованье идутъ успѣшно, вольтижированію и наѣздничеству люди выучиваются охотно и скоро, стрѣльбою всѣ части занимаются несравненно болѣе прежняго и стройность сомкнутаго фронта не только ничего не потеряла, но даже выиграла; доказательствомъ служить то блестящее состояніе, въ которомъ части Резервной Гвар-

діи представились Государю Императору на смотру, бывшемъ 30-го Апрѣля.—Все это достигнуто безъ малѣйшаго истощенія войскъ, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ съ моей стороны. Будучи одержимъ болѣзнію, я даже не имѣлъ возможности лично удостовѣриться въ какой мѣрѣ исполняются мои требованія и, слѣдя за всѣмъ черезъ моего Начальника Штаба, ни разу не былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ какому бы то ни было взысканію. Такой почти безпримѣрно-успѣшный результатъ всего болѣе удостовѣряетъ меня въ справедливости моихъ требованій и доказываетъ, что Гг. Офицеры раздѣляли мои убѣжденія въ пользѣ нововведеній; иначе успѣхъ былъ бы невозможенъ.

«Надѣюсь, что Гг. Старшіе Начальники поддержать эти убѣжденія въ Офицерахъ и что все то, чему положено теперь начало, будетъ развиваться и совершенствоваться.

«Стрѣльба въ цѣль, хотя не доведена еще до той степени совершенства, на которой она должна находиться, но за дальнѣйшіе ея успѣхи ручается то милостивое вниманіе, которымъ Самъ Государь Императоръ изволилъ удостоивать состязаніе въ стрѣльбѣ Офицеровъ и участіе, которое лично принимаютъ

въ сихъ состязаніяхъ Ихъ Императорскіе Высочества. Я не сомнѣваюсь, что искусство стрѣлять, такъ быстро распространяющееся между Офицерами, столь же быстро перейдетъ отъ нихъ и къ нижнимъ чинамъ всѣхъ частей.

«Въ отношеніи управленія и хозяйственнаго устройства войскъ я прошу Гг. Начальниковъ обратить все ихъ вниманіе на поддержаніе истинной дисциплины въ ихъ частяхъ, дисциплины основанной не на страхѣ взысканія, не на корыстномъ желаніи награды, а на сознаніи долга, и на стремленіи къ общей пользѣ. — Повиновеніе высшимъ всегда отличало наши войска, но одно оно не ведетъ еще къ цѣли; для достиженія ея необходимо полное уваженіе къ правамъ и къ власти лицъ, не только высшихъ, но и подчиненныхъ. Каждому изъ нихъ должно быть предоставлено то, что по закону слѣдуетъ. Допускать подчиненнымъ своеволие и произвольно стѣснять ихъ кругъ дѣятельности — одинаково вредно для службы. Не можетъ любить Полковой Командиръ своего полка и ротный Командиръ своей роты, если въ нихъ до послѣдней мелочи дѣлаться будетъ только то, что приказано свыше. Успѣхи не будутъ

радовать ихъ, въ беспорядкахъ они будутъ считать виновнымъ не себя, а высшихъ Начальниковъ.

«Въ хозяйственномъ устройствѣ частей я всегда желалъ достигнуть не одного наружнаго блеска, а внутренняго порядка и исправности частей.—Я желалъ, чтобъ и въ этомъ отношеніи каждый изъ подчиненныхъ мнѣ Начальниковъ стремился къ истинной пользѣ службы и старался бы не только *представить*, но и дѣйствительно *довести* свою часть до возможно-лучшаго состоянія.

«Считаю себя счастливымъ, что усилія мои не остались безплодными, что, не смотря на формированіе огромныхъ резервовъ, не смотря на приготовленія военныя, которыя непрерывно продолжались на ряду съ распоряженіями, касающимися внутренняго устройства, не смотря на болѣзненное состояніе, препятствовавшее мнѣ лично слѣдить за всѣмъ, я успѣлъ составленныя изъ новобранцевъ Резервныя части Гвардіи и бывшія подъ моимъ начальствомъ Запасныя части армейскихъ войскъ довести до такого состоянія, что они ни въ чемъ не уступаютъ старымъ дѣйствующимъ полкамъ.

«Успѣхъ этотъ отношу къ рвенію всѣхъ моихъ подчиненныхъ и отъ души благодарю ихъ за то усердіе, которое постоянно показывали они во все время моего командованія и которому я обязанъ благоволеніемъ и милостями ко мнѣ Государя Императора.»

11-го Іюня смѣжилъ непробуднымъ сномъ глаза свои маститый вождь; послѣдними его словами были: «Государь, Россія, Русская Армія;» этими словами жилъ онъ, съ ними и отошелъ въ вѣчность...

Въ чертогахъ Русскаго Государя, въ Фельд-маршальской Залѣ, рядомъ съ изображеніемъ штурма Воли, помѣщена картина, представляющая сложеніе оружія предводителемъ венгерской арміи Георги передъ войсками нашими, подъ начальствомъ графа Ридигера; а на р. Вепржѣ, впереди крѣпости Ивангорода, есть люнетъ «графъ Ридигеръ», напоминающій о побѣдѣ при Лысобыкѣ: оба эти памятника долго говорить будутъ о знаменитомъ вождѣ; но есть у него памятникъ, о которомъ онъ самъ могъ бы сказать:

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный—
 Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ.
 Ни вихрь его, ни громъ не сломятъ быстротечный
 И времени полетъ его не сокрушить.

Этотъ памятникъ благодарность русскаго солдата, который, при каждомъ новомъ улучшеніи въ его бытѣ и службѣ, перекрестясь, вмѣстѣ съ именемъ Монарха пегущагося о его благѣ, вспомянетъ и *старика Ридигера*—отца-командира въ полномъ значеніи слова.

(1) *Примечаніе.* Заимствуемъ изъ сообщенныхъ намъ супругою Графа Феодора Васильевича, Графиней Луизою Карловною, записокъ, свѣденія о первоначальной службѣ Графа Ридигера, рассказанныя имъ самимъ: «Первые опыты, которымъ молодой Ридигеръ подвергнулся при вступленіи на военное поприще, были не очень одобрительны. Ротный его Командиръ Капитанъ М...гъ, житель надволжскихъ странъ, былъ человѣкъ простой, не любившій много трудиться надъ приобрѣтеніемъ свѣтскаго обращенія, а тѣмъ болѣе надъ образованіемъ умственныхъ своихъ способностей и душевныхъ качествъ. Къ нему—то Ридигеръ являясь, только что надѣвши на себя военное платье, удостоился, по несчастію особеннаго его вниманія, причеиъ опытнымъ и провицательнымъ глазомъ Капитанъ М...гъ тотчасъ замѣтить, что мундиръ Ридигера, въѣсго простой красной шерстяной подкладки, былъ подшитъ шапономъ. Непростительную вину эту портнаго, долженъ былъ молодой воинъ загладить суточнымъ арестомъ съ посаженіемъ въ некарию казармовъ. Однакожъ строгость наказанія была облегчена поимости великодушнаго и благомыслящаго фельдфебеля, который, предложивъ Ридигеру хорошо натопленную печку въ своей квартирѣ и нѣсколько чашекъ чаю для подкрѣпленія, изъявилъ притомъ всю готовность оставить для себя мундиръ, нанесшій столько бѣдствій, а взаиѣтъ его уступить немедленно, за сто рублей, другой, сшитый по всей формѣ изъ толстаго сукна,

Непостоянная и сырая осенняя погода въ 1799 году, нанесла съ собою родъ заразной гнилой горячки, известной подъ названіемъ гриппа. Она, свирѣпствуя въ Петербургѣ и окрестностяхъ, истребила много людей,

въ особенноти же въ тѣхъ войскахъ Гвардіи, которою сопровождали Императора Павла до Гатчины, гдѣ Его Величество предполагалъ провести зиму, однакожъ, встрѣвоженъ будучи появленіемъ пагубной болѣзни, повелѣлъ войскамъ, въ послѣднихъ числахъ Декабря, возвратиться въ столицу. Заразительная горячка эта не пощадилъ и Ридигера, нѣсколько недѣль страдалъ онъ безъ всякой надежды на выздоровленіе и обязанъ былъ единственно спасеніемъ своимъ и жизнию искусному пользованію и неутомимому попеченію двухъ молодыхъ медиковъ: Гасинга и Купфера—друзей и товарищей юныхъ лѣтъ своихъ. Едва только выздоровѣлъ Ридигеръ отъ тяжелой болѣзни, какъ въ послѣднихъ числахъ Мая 1800 года онъ долженъ былъ выступить въ Петергофъ, куда отправилась вся Царская Фамилія. Здѣсь онъ подвергнулся одному изъ тѣхъ трудныхъ испытаній измѣчивой судьбы, подъ бременемъ которыхъ изнемогаетъ часто мужественнѣйшее сердце, подобно прозябающему нѣжному растенію. Пораженный въ караулъ, Ридигеръ обязанъ былъ, по обыкновенію, идти за Полковымъ Адъютантомъ для принятія знамени изъ Кабинета Государева; но въ этотъ разъ Адъютантъ нѣсколько опоздалъ, такъ что знамя выносили уже въ то время, когда Его Величество выходилъ изъ Кабинета. Что-бы оправдать себя и стать заблаговременно на своемъ мѣстѣ, полковой Адъютантъ поспѣшилъ, а Ридигеръ, слѣдуя за нимъ въ торопяхъ къ разводу, задѣлъ неосторожно за низкорасположенный карнизъ воротъ концемъ знамени, на которомъ отъ сильного удара согнулась корона. Время не позволяло, что-бы ее снова выпрямить, и такъ Ридигеръ принужденъ былъ стать впереди фронта съ поврежденнымъ знаменемъ и съ встревоженнымъ сердцемъ. Безспокойство его увеличилось тѣмъ болѣе, когда въ эту же самую минуту приближился къ нему Императоръ Павелъ, взявъ отъ него знамя,

подозвалъ къ себѣ тогдашняго Великаго Князя и Наслѣдника Александра и повелѣлъ Его Высочеству впередъ брать знамя къ ногѣ другими приемами. Между тѣмъ поврежденіе знамени не ушло отъ вниманія Государева; узнавши о происшедшемъ отъ Великаго Князя, Его Величество хотѣлъ выпрямить бронзовую Корону, но отломалъ ее и бросилъ на землю; послѣ чего отдавъ знамя Ридигеру, поднялъ снова брошенную Корону и вложилъ ее къ себѣ въ карманъ. Такимъ образомъ молодой воинъ не только что за приключеніе это не получилъ отъ Государя Павла никакого выговора, но еще при поднесеніи имъ знамени для свертыванія, Его Величество благоволилъ даже Всемилостивѣйше спросить его объ имени, фамиліи и мѣстѣ рожденія. Несмотря на это, Ридигеръ, за свою неосторожность, не избѣгнулъ наказанія отъ Великаго Князя, повелѣвшаго на одни сутки разжаловать его въ рядовые и поставить на часы. Спустя однако же четыре съ половиною мѣсяца послѣ этого неприятнаго приключенія, онъ 27-го Октября былъ уже произведенъ въ офицеры въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ, и то не по открывшейся вакансіи, но по имянному повелѣнію Государя. Во все это время, Ридигеръ, въ чинѣ офицерскомъ, имѣлъ счастье обратить на себя нѣсколько разъ вниманіе Императора Павла, при производившемся обыкновенно во время развода шереножномъ ученѣи.—На одномъ изъ такихъ ученій присутствовалъ Шведскій Король: (чинѣ Полковникъ Густавсонъ); Ридигеръ команду тогда второю шереною средней роты, которая находилась противъ самаго Государя, былъ удостоенъ отъ Его Величества особенной похвалой. Изъ числа приключеній, которые Ридигеръ имѣлъ впоследствии, достойно вниманія слѣдующее: находясь однажды въ караулѣ при Адмиралтействѣ, Прапорщикъ Ридигеръ, убѣжденный примѣромъ другихъ караульныхъ офицеровъ, отпустилъ на нѣсколь-

ко часовъ давно уже содержащагося на этой гаубвахтѣ арестованнаго офицера, который на Литейной (части города Петербурга) имѣлъ родныхъ. Между тѣмъ ночь миновалась, стало уже совершенно разсвѣтати, наконецъ и часъ смѣны приближался, а уволеннаго офицера и невидать и неслыхать. Тогда Ридигеръ, размышляя о неизбежныхъ послѣдствіяхъ, которые его снисхожденіе могло повлечь за собою, томился въ ужасномъ безпокойствѣ, какъ вдругъ къ великой его радости, явился виновникъ его тревоги.

О П Е Ч А Т К И.

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
4	12	сердца	сердца,
—	15	генерала	генерала,
20	1	открытіи	открытія
29 съ низ.	4	разговорчивый	разговорчивый,
36	6	Костенджи	Кюстенджи
45	2	дойстойный	достойный
44 съ низ.	12	Алакаріли	Алакаріи
70	— — 4	маршѣ	маршѣ,

